

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

Моя
АРМЕНИЯ

ВЕДА ЗВЯГИНЦЕВА

Моя
АРМЕНИЯ

Издательство «Айастан»
Ереван 1969

$\frac{P2}{3 - 45}$

Предисловие **К. И. Чуковского**

Составление и вступительная статья **Л. М. Мкртчяна**

7—4—2

СИЛА ЛЮБВИ

В последнее время мне стала бросаться в глаза одна прелюбопытная особенность советских поэтов-переводчиков. Они с таким увлечением создают песни, предания, эпос и лирику того или иного народа, что мало-помалу проникаются к этому народу живой симпатией, отдают ему не только талант, но и сердце.

Переводя, например, грузинских поэтов, Борис Пастернак и Николай Заболоцкий всей душой возлюбили Грузию. И Самуил Маршак, пленившись поэзией Роберта Бёрнса, стал питать самые нежные чувства к родине своего любимого барда.

Теперь, оказывается, произошло то же самое с Верой Звягинцевой, переводчицей армянских поэтов.

«Трудно назвать армянского поэта, стихи которого хоть раз не зазвучали бы на русском языке в переводе В. Звягинцевой», — говорит критик Мкртчян в предисловии к её последней книге¹. Длительное общение с армянской поэзией в конце концов заставило русскую поэтессу «пристраститься» к Армении.

Вначале она сама удивлялась пылкости этого нового, ей непривычного чувства:

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило.

И сама я любила не зной,
А морозец весёлый и прочный,
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?..

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это прихрастье.
В этой поздней нелёгкой любви
Мне самой непонятное счастье.

В 1964 году вышла книга её избранных переводов с армянского. Книга так и озаглавлена «Моя Армения». Переводам предшествует цикл собственных стихотворений Веры Звягинцевой, которые можно назвать гимнами этой стране, её песням, её пляскам, её Арапату, её Исаакяну, её Сарьяну.

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

И в другом стихотворении снова:

Торжественней я не видала стран,
Воды не знала слаще ереванской.

---

¹ Речь идёт о первом издании книги В. Звягинцевой «Моя Армения», Армгосиздат, Ереван, 1964 (ред.).

Своими стихами, посвящёнными Армении, Звягинцева продемонстрировала, до какого накала может дойти это чувство, зачатки которого — в восхищении армянской поэзией¹.

Корней Чуковский

---

¹ Из книги К.И. Чуковского «Высокое искусство» — Корней Чуковский. Собрание сочинений в шести томах, том третий. Изд-во «Художественная литература», М., 1966, стр. 514—515.

НАД КНИГОЙ ПОЭТА И ПЕРЕВОДЧИКА

Трудно назвать армянского поэта, стихи которого хоть раз не зазвучали бы на русском языке в переводе В. Звягинцевой. В 1935 году она перевела стихи Гегама Сарьяна и с тех пор работает над переводами современных армянских поэтов и классиков. За эти годы знакомое всем нам «перевела с армянского Вера Звягинцева» словно бы стало устойчивым словосочетанием.

То, что включено в эту книгу, делалось около тридцати лет. Здесь представлена только лишь часть избранных переводов В. Звягинцевой. Опубликованные в этом сборнике переводы из 22-х поэтов от XVI века до наших дней особенно дороги переводчице.

Чтобы понять Звягинцеву-переводчицу, надо знать её и как поэта. Тем более, что книга открывается циклом стихов Звягинцевой «Моя Армения».

Главное в лирике Веры Звягинцевой — это острое чувство жизни и родины, чувство самозабвенной влюблённости в «трудный белый свет». Уже в своём первом стихотворном сборнике она писала: «На свете страшно без любви».

Ранние стихи В. Звягинцевой были отмечены литературными влияниями, что, очевидно, чувствовала и сама Звягинцева: «Пусть же поёт, как знает, бумажная моя свирель».

В Звягинцева искала в поэзии своё собственное слово. Она буквально жила идеей поиска:

Я рыбою на берегу
Плещусь в зыби песка сухого,
Я знаю, знаю, знаю слово,
Лишь выговорить не могу.

Имея что сказать, поэт находит и нужное слово. На второй сборник Звягинцевой откликнулся М. Горький. «Очень благодарю Вас за присланную книжку стихов, очень, — писал он в сентябре 1927 года из Сорренто. — Думаю, что я плохой ценитель поэзии, во всяком случае ценитель весьма субъективный, да и едва ли мнение моё нужно Вам, поэтессе, как чувствуется, вполне сложившемся. Всё-таки скажу, что особенно понравились мне стихи на 25 стр., 20-й, 18-ой, 13-ой, 11-ой. Хороша, значительна строка «Не по любви моей мой разум»¹. Её часто будут цитировать неглупые люди обоего пола».

На указанных М. Горьким страницах помещены стихи, проникнутые глубоким лирическим чувством, стихи, посвящённые родине — России («Краёв саратовских, широко хлебных...», «Знаю величие туч над вечерним откосом...», «Такая колыбельная»). Писателю нравилось, как проникновенно умеет Звягинцева писать о красоте родной земли:

---

¹ Строка из стихотворения «России»:

Не подниму ни голоса, ни глаз.
Об этом петь не смею...
Бывает: в слишком ранний утра час
От холода и радости слабеешь...
Такая по душе проходит дрожь
Всей сыростью твоих оврагов сразу.
И все слова к тебе дурны, как ложь.
Не по любви моей мой разум.

(См. В. Звягинцева. Московский ветер. Стихи. Изд-во «Узел», М, 1926, стр. 16).

Краёв саратовских, широко хлебных
Росистая, душистая земля.
У подорожников тугие стебли
Качаются, пушинки шевеля.

Сейчас, когда изданы новые книги Звягинцевой, когда к ней пришло признание, слова Горького о вполне сложившейся поэтессе подтверждаются стихами, много превосходящими её лирику 20-х годов.

В последних двух книгах Веры Звягинцевой ярко и отчётливо звучит главная мысль всей её поэзии — мысль о красоте и ценности жизни. О чём бы она ни писала — о войне и смерти, сирени и повилিকে, она вновь и вновь приходит к своей теме: «Как завидно жить на свете, — только б словом передать».

Звягинцеву очаровывает простое, будничное. В скромном она видит чудо, а в обычном — необычное. И потому «овражек, да седой полыни кустик милее пёстрых цветников».

Равнодушная ко всякой пышности, бутафории, Звягинцева часто противопоставляет «высокое» «простому», оттеняя различнейшие контрасты. Но любовь к простому, обыденному не снижает присущую стихам В. Звягинцевой романтическую приподнятость.

Романтика вплетается у неё в реалистическое видение мира, она от жизни, от сердечно прочувствованного восприятия действительности. Поэт утверждает право на большие чувства, на творчество, возвышающее и обогащающее сердца: «Видеть свет — не тьму»; «Любям нужен лишь свет любви, а не злой холодок иронии».

В. Звягинцева хочет, чтобы её поэзия, как в детстве услышанная и запавшая песня «Сбейте оковы, дайте мне волю...», звала людей вперёд, помогала им жить. Именно поэтому нет у Звягинцевой узко личных, «своих» и «для себя» написанных стихов. На вопрос «Как чувствуешь себя?» поэт отвечает: «Себя? Зачем? Других, тебя...»

Судьбы страны, неисхоженные дороги, дыхание весны — вот что её волнует и влечёт к себе. Так живут истинные поэты, так «чужие радость и горе становятся своим стихом».

Звягинцева — поэт с сильно выраженным чувством родины, и именно потому она могла сказать:

Если б там, нигде, меня спросили:
Чем же ты так счастлива была,
Я б сказала: я жила в России,
По её дорогам я прошла.

Родина, Россия вдохновляет Звягинцеву, здесь истоки её лирики: «Посмотреть в глаза России — как живеи воды глотнуть». Эта «живая вода» с её чудодейственной силой, знакомой нам по русскому фольклору, питает творчество Веры Звягинцевой.

Дороги России, дороги революции и интернационального братства привели Звягинцеву в Армению — в древнюю страну Наири, культуре которой она отдаёт так много сил и сердце. Однако, как писал Генрих Манн, «нельзя проникнуть в другие языки, даже литературы, если одновременно — до отчаяния, до блаженства — не вживаешься в свою родную речь, и письменную, и устную»¹. И в этом смысле чувства Звягинцевой к России — ключ к пониманию её стихов об Армении, её любви к армянской поэзии.

Тема родины — одна из главных в армянской литературе, в армянской песне. Богатый пословицами и изречениями армянский язык почти не сохранил пословиц о родине. Народ думал о ней песнями, выношенными глубоко в сердце, и не мог думать изречениями, может быть, потому, что в течение многих столетий чувство боли и утраты было связано у армян с родиной. Песни и стихи о родной земле, о мачехе-чужбине, полные тоски и горя пандухтские циклы о скитальцах-изгнанниках и, наконец, новая лирика о возрождённой ро-

---

¹ Генрих Манн. Сочинения, том 8, ГИХЛ, М., 1958, стр. 259.

дине близки и дороги Вере Звягинцевой. Поэтому она так проникновенно пишет об Армении, так мастерски переводит армянских поэтов. Цикл об Армении — яркое творческое достижение Звягинцевой. Работа над переводами обогатила её собственную поэтическую палитру. Метко, например, замечено, что «резкие багряно-синие краски цикла «Моя Армения» оттеняют зелёное степное раздолье цикла «По русским дорогам»¹.

Чтобы переводить, Звягинцева должна была знать историю и культуру, жизнь и быт армянского народа. Она подолгу жила в Армении, постигая страну и поэзию не по учебникам и, конечно, не по одним лишь подстрочникам:

Мне довелось сквозь ветви пшата
Увидеть близко, наяву,
Две древних кровли Арарата
И разглядеть и склон щербатый
И даже блёклую траву.
Всё то, что именем звенело
На картах, книгах и в речах,
Мне воздухом ласкало тело,
Кустарниками шелестело,
Хрустело пылью на зубах.

Вера Звягинцева пишет о глубоко пережитом, прочувствованном. Поэтому так захватывающи и искренни её армянские стихи, поэтому их определяют не такие чисто внешние признаки, как Арарат, Звартноц, Воскеваз... В. Звягинцева тонко понимает жизнь страны, всё, что её характеризует, — от «прямых слов и поступков людей» до «терпкого запаха рехана и перца». Ей удаются образы яркой выразительности, удивительной ёмкости: «Глаза, как большие чёрные слёзы, обветренный камень щёк».

И в стихах об Армении Звягинцева ищет свой идеал простой красоты, она полемизирует с теми, кто видит Армению традиционно пышной:

Мне другое в Армении любо —
Околдовано сердце моё
Красотою и горькой и грубой.
Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей, —
Вот Армении подлинный образ.
Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжёлых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Ряд проникновенных стихов В. Звягинцева посвятила Мартиросу Сарьяну.

Многие годы Звягинцева переводила стихи Исаакяна. «Исаакян... Когда я произношу это имя, — пишет Звягинцева, — каким-то тускло золотым светом заливается всё вокруг. Пахнет дымком тондыров, плывёт, не уплывая, Арарат, а внизу где-то бурлит не то Зангу, не то Касак... Исаакян — простая, чуть грубоватая, чуть горчащая нежность. Любовь к этой земле, к этим горам, этим полям. Любовь крестьянская, истовая, стесняющаяся сладости».

Прекрасны стихи Звягинцевой, посвящённые Исаакяну, Исаакяну и Блоку. С потрясающей силой передана боль утраты великого поэта в стихотворении «На смерть Исаакяна».

В. Звягинцева находит слова большой непосредственности и убедительности, её армянские стихи лишены всякой искусственности, хотя в отдельных стихотворениях цикла не всё равноценно.

---

¹ Лев Озеров. Работа поэта. Изд-во «Советский писатель», М., 1963, стр. 266.

Пишет В. Звягинцева тонкими, не бросающимися в глаза красками. Нет у неё броских, рассчитанных на эффект и обособленных от целого образов, она работает на всё стихотворение в целом, и стихи у неё внутренне собраны, прочно «прошиты» определённым настроением, характерным для всего стихотворения. Она далека от какого бы то ни было желания щегольнуть, скажем, повтором или аллитерацией, строго прибегая к ним только в тех случаях, когда этого требует содержание. Вот, например, удачно построенная на «тяжёлых» согласных аллитерация из стихотворения «Про песню»: «Надрывалась и падала в стих причитаньем над участью тяжкой».

В. Звягинцева взыскательна. Она много работает и над своими собственными стихами и над переводами. Работа эта проходит в основном в мастерской поэта, так сказать, не на виду у читателя. Но она правит вещи и уже публиковавшиеся. Особенно много работает Звягинцева над переводами.

Перевод — труднейшее из искусств.

В первом своём сборнике В. Звягинцева писала:

Не штык в руке замерзающей,
Не гроб кирпичей за спиной.
Ты, тяжести распределяющий,
Вручил мне цветок голубой.

Но с того самого дня, как Звягинцева стала переводить или, как выразился в одном из стихотворений Б. Слуцкий, стала «перевозить» «поэзию в язык из языка», — распределяющий тяжести прибавил к «голубому цветку» и «греб кирпичей».

Переводы требуют от поэта предельного напряжения сил. «Каждое стихотворение, — писала В. Звягинцева о своих армянских переводах, — переделывала помногу раз и столько же перепечатывала. А с виду — просто...»

Я позволю себе привести варианты перевода одной лишь строфы из стихотворения Ав. Исаакяна:

1. От любовной тропы в стороне
Позабытою розой цвету.
Вся в пыли, я томлюсь в тишине,
Одинокую розой цвету.
2. От любовной тропы в стороне
Позабытою розой цвету.
Пыль дорог оседает на мне,
Пылью скрытою розой цвету.
3. От любовной тропы в стороне
Я шиповником диким цвету.
Весь в пыли, я томлюсь в тишине,
Я шиповником тихим цвету.
4. На обочине горной тропы
Запылённою розой цвету.
Солнце жжёт лепестки и шипы,
Опалённою розой цвету.

Все эти варианты были опубликованы. Сопоставляя их между собой и сопоставляя их с подлинником, можно заметить, что переделывая перевод, Звягинцева хотела приблизить его к образам подлинника (2-ая и 3-я редакции), но ещё больше была озабочена тем, чтобы на русском языке её перевод звучал так же естественно, как в подлиннике. Ведь иначе ни о какой верности оригиналу и речи быть не может.

Вера Звягинцева переводила стихи поэтов разных времён — от средневековых армянских поэтов до поэтов-современников. И ей всегда было важно средствами современного русского языка передать разницу поэтического мышления, словаря и самой манеры письма.

Изучая переводы В. Звягинцевой 30-х годов и переводы последних лет, нетрудно заметить, что теперь она иначе решает целый ряд проблем, встающих перед переводчиками.

В ранних переводах она была как бы в плену оригинала, стараясь передать и все особенности ритма и неизменно сохранить мужскую рифму, столь характерную для армянского языка. Ей хотелось перенести в перевод даже звуки оригинала. Например, когда она переводила стихи Е. Чаренца «Ергир, поэт, ергир...», ей казалось, что правильно будет перевести: «Греми, поэт, греми...». Это уже потом она отказалась от этих попыток, затрудняющих естественное течение русского стиха, и перевела: «Пой песню, пой, поэт!».

В зрелые годы, работая над переводом стихотворения Амо Сагияна «Армения в песнях», Звягинцевой предстояло решить, как лучше перевести рефрен:

Вот какой Айастан
В новых песнях нам дан.

Этот вариант, казалось бы, всем хорош, и рифма здесь, как и в подлиннике, мужская. Но в беловом тексте Звягинцева отказалась от этой редакции.

Знал он бури, сражения,
Трудность будней походных, —
Вот какая Армения
В новых песнях народных.

Переводчица решила, что так лучше, пусть здесь рифма не мужская, но стихи благозвучнее, и в этом смысле они ближе к подлиннику.

Вообще уже много лет в своей переводческой практике В. Звягинцева придерживается той точки зрения, что, читая переводы, «русский читатель должен наслаждаться горячим, искренним русским стихом, хотя и передающим колорит, характер народа, стиль переводимого поэта, но средствами русской поэзии — реалистичной, естественной, свободно читающейся».

Звягинцева следует в своих переводах сути подлинника, характеру поэта, его интонации. С этой целью она изучает творчество переводимого поэта. О Наапете Кучаке, сборник четверостиший которого Звягинцева перевела, она писала: «Кучак — поэт мысли, прямой, мужественный, иногда борец против несправедливости строя, иногда даже в какой-то мере атеист... любовь у него не “пышно-сладкая”, а народная, чуть грубоватая, много сдержанного юмора». Так она понимает Кучака, таким мы его видим и в её переводах.

Благодаря работе В. Звягинцевой этот великий поэт средневековой Армении стал доступен русскому читателю, хотя и до неё были русские переводы из Кучака (В. Брюсов перевёл всего несколько четверостиший).

В этой книге читатель найдёт переводы и из таких великих армянских поэтов, как Саят-Нова, Ов. Туманян, Ав. Исаакян, Ваан Терян, Егише Чаренц. Представлены здесь и стихи многих современных армянских поэтов — Г. Маари, Г. Сарьяна, Ов. Ширазы, С. Капутикян, Амо Сагияна, Г. Эмина, Рачия Ованнисяна и др.

Среди множества высказываний о переводчиках есть одно очень несправедливое. Оно о том, что переводчик «предаёт» оригинал. Знакомясь с книгой избранных переводов Веры Звягинцевой, мы видим настоящего, верного друга, много сделавшего для того, чтобы без потерь донести до русского читателя богатство содержания и форм поэзии Армении.

ЛЕВОН МКРТЧЯН

СТИХИ

Моя Армения

И куда же меня занесло?
От черёмух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский, — в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курслеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не зной,
А морозец весёлый и прочный.
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу её,
Мне другое в Армении любо —
Околдовано сердце моё
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей, —
Вот Армении подлинный образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжёлых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье.
В этой поздней нелёгкой любви
Мне самой непонятное счастье.

* * *

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Нужно много ночей, рассветов,
Новостроек, рек обогнуть,
Чтобы сказочный рёв Дэбета
Холодком вдруг ударил в грудь,

Чтобы стало легко и страшно
Вдруг войти в ущелье Лорí,
Чтобы в скалы входить, как в башни,
Как в былое — в монастыри.

Ветром выписанные фрески
В камнях видеть мне довелось,
Полюбить навек этот резкий
Край сухого зноя и лоз.

Я такого большого неба
Не видала ещё нигде,
Звёзд таких, как озёра. Мне бы
Погостить на такой звезде!

Зачарованным взором вижу
Древних плит кружевной узор,
Вижу складки розово-рыжих
Этих, словно слоёных, гор.

Мы стоим у раскопок Двина,
Вот находка в моей руке, —
Времена слились воедино
В голубом этом черепке.

Словно в переключь с давней эрой
Тут вступает армянский саз.
Ереванские пионеры
Так встречали стихами нас,

Что, бледнея от вдохновенья,
Тронул руку мою сосед,
И увидела я, в смятенье,
На щеке его слёзный след.

Сколько б жить ни пришлось на свете,
Не забудем мы, мой собрат,
Как поют армянские дети,
Как гортанной бронзой звенят,

Как в сентябрьском осеннем блеске
Ворковал меж камней ручей.

Не забудем в садах библейских
Наших дружественных речей.

* * *

Говорят, красота в соловьином саду,
В мимолётной грозе вдохновенья.
Я пройду по земле, я такую найду,
Без которой не жить ни мгновенья.

Я поеду в края, где не раз и не два
Любовалась землёю сердитой.
На столах там на глиняных блюдах трава,
Воскеат — виноград знаменитый.

Говорят, на Востоке миндаль да хурма,
Да печаль караванов верблюжьих.
Я так много другого видала сама,
Что не слушаю толков досужих.

Не миндаль, не печаль — сила гордой души
И прямые слова и поступки.
А уж песни у них до чего хороши, —
Не сотрутся на сердце зарубки.

Пусть, как сердцебиение, жизнь коротка, —
Корни есть у неё и побеги.
Небольшая земля, да душа велика —
От Зангу до задумчивой Веги.

Звартноц

Здесь тишина... О, тишина... Такая,
Какой не знала я до этих пор.
Трава не шелестит — совсем сухая,
Орёл на камне крылья распростёр.

Здесь пахнет снегом недалёких гор,
И Арарат плывёт, не уплывая,
Лимонный тополь, восхищая взор,
Горит свечою тонкой, не сгорая.

Ссутулившись стоит Исаакян,
Как отягчённый славой царь армянский.
Торжественней я не видала стран,
Воды не знала слаще ереванской.

Я пью её, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

* * *

И вдруг как нахлынет,
Нечаянно, сразу,
Огромной волною
Тоска по Кавказу.

Москва — моё сердце,
Душа моя — Волга...
С чего ж я летаю
Так часто и долго

Туда, за Сухуми,
За жаркий Тбилиси,
В горячее небо,
В нагорные выси?

С чего ж на Садовой,
На Ново-Рязанской
Ищу я фонтанов
С водой ереванской?

На небе вечером,
В полоске заката,
Ищу очертаний
Главы Арарата.

Мне тяга к Кавказу,
Знакомая с детства,
От русских поэтов
Досталась в наследство.

В полёте блеснёт мне
Гора сединою, —
И я в упоенье:
«Кавказ подо мною».

* * *

Когда напев армянской «Розы»,
Врываясь в пиршественный чин,
Тревожит сонный мрак долин,
Шепчу и я, глотая слёзы:
«Сирун вардын, кармир вардын...»¹.
Когда над пшатами совхоза
Плывёт пустынный синий зной,
А на немой плите резной
Сидят недвижные стрекозы,
Она мне кажется родной —
Земля задумчивая. Лозы

---

¹ «Прекрасной розе, красной розе...»

Её обветренных садов,
Налив тугих её плодов
Мне дороги, как лист берёзы.
И тут и там мой отчий кров.

Осень

Шафрановым загаром
Подёрнута земля,
Ликующим пожаром
Пылают тополя,

Кидают в роще сонной,
Прохожего дразня,
Охапкою лимонной
Шуршащего огня.

Шоссе до Канакера
В рубиновой заре,
Одни фонтаны сквера
В струистом серебре.

Не в лавке антикварной
Камней старинных ряд —
На улочке базарной
Лиловый виноград,

Огромные корзины
С душистой айвой,
И синих слив седины,
И перец огневой,

И бархатные груды
Оттенка чайных роз —
Не персики, а чудо
Прислал сюда колхоз.

Глазастые ребята
Черны, как угольки;
До самого заката
Шумят, гудят ларьки.

А ляжет полосою
На яблоки закат —
Обрызганный росой
Привидится нам сад.

Осенний день победной
Сверкает красотой,
И бронзовой, и медной
И светло-золотой.

Армянская пляска

Вот он, ах, вот он — тот перелив,
Обжигающий лоб и губы...
Не зурна, не бубен, не трубы —
Это ветер нагорных нив.

И армяночка в круг вступает,
Голубями руки летают,
А как долу опустит очи —
Косы длинных ресниц короче...

Ей навстречу идёт дружок, —
Золотой на нём поясок.
Ты видал в сапожках огонь?
Вот он вьётся, подняв ладонь...

Поведёт красота плечом —
Что тут думать, грустить о чём?
Краски с музыкой говорят, —
Чей торжественнее наряд?

Эта грубость и эта нежность
Для меня, как смерть — неизбежность.
Обрывается сердце разом,
Только встретится взгляд с Кавказом!

Армянская песня

Глаза — как большие чёрные слёзы,
Обветренный камень щёк...
И песня — такая, что все угрозы,
Все беды сбивает с ног.

Скрестите мне руки, закройте веки, —
Я всё-таки оживу:
Пройду по горам, все моря и реки
Без страха переплыву!

К приснившимся мне наяву нагорьям
Опять я приду, опять,
Я с ними не стану делиться горем,
Ни плакать, ни тосковать...

Я буду армянские песни слушать,
Встречать над Зангу зарю
И на волоске висящую душу
Сухой земле подарю.

Аветик Исаакян

Еле брезжили краски рассвета
В те далёкие годы, когда
Побратались в стихах два поэта,
Чтоб остаться в родстве навсегда.

Словно оклик из глуби колодца
Был для Блока глухой этот зов:
«Караван мой бренчит и плетётся
Меж чужих и безлюдных песков...»

Это голосом Исаакяна
Пел и плакал армянский народ.
Тот народ, чьи старинные раны
Беревило ветрами невзгод.

А теперь окрылённые братством
Неразлучны народов сердца.
Стали общим несметным богатством
Благородные песни певца.

От скитальческих зовов печали
До напевов труда и борьбы —
Родниковой струёю журчали
Эти песни армянской судьбы.

Как болит моё сердце, как бьётся
От задумчиво-скорбных стихов:
«Погоди, караван! Мне сдаётся,
Что из родины слышу я зов...»

Не бренчат бубенцы каравана,
Нет безлюдья в армянском краю,
Но в певучести Исаакяна
Я Армении лик узнаю,

Узнаю эти нежность и пламень,
Это вечное детство мечты,
Эту землю, где даже сквозь камень
Пробиваются к солнцу цветы.

И сквозь милых мне черт угловатость
Светит в самой далёкой глуши
«Голубая хрустальная святость»
Неподкупной народной души.

Выйди за́ город вечером рано,
Чуть обступит тебя синева —
Плещет песнями Исаакяна
Серебристого пшата листва.

Первое лето в Армении

Ты помнишь то лето на острове,
Старинный армянский храм.
Травинки пахучие, острые
И песни по вечерам,
Тропу над скалою отвесною,
Над синей водой балкон?
Страна, мне ещё не известная,
Входила в меня, как сон.
Вода голубая севанская
Тяжёлой была, как ртуть,
Гортанная песня армянская
До боли сжимала грудь.
Не думала я в те мгновения,
Что этот июльский зной
И древние камни Армении
Навек овладеют мной,
Что дым над крестьянскими кровлями
Не даст мне спать до зари,
Что станут мне братьями кровными
Певцы твоей Наири.
Когда уезжала с Севана я, —
Тому уж немало лет, —
Со мною случилось то странное,
Чему и названья нет.

* * *

«Что за гора?» — спросил я, потягиваясь
и услышал в ответ: это «Арарат».

Пушкин. Путешествие в Арзрум.

Весёлая свежесть рассвета
И бодрое чувство здоровья...
О, ясные строки поэта,
Не ведавшего празднословья!

Он видел, он видел их тоже —
Две снежных главы Арарата,
Спал крепко на низеньком ложе
В лачуге армянского брата.

Всё это прошло, миновало,
Но вправду арба тарахтела,
По жёсткой земле перевала
Везя Грибоедова тело.

Что дни, что года, что столетья, —
Сгорая, не стали золою:
В едином чудесном соцветье

Сегодняшний день и былое.

Не знаю, своими глазами,
Другими ли вижу я горы,
Но взгляд застилают слезами,
И слёзы мои не от горя.

Стремительно и многоцветно
Проносится время земное,
И всё, что люблю беззаветно, —
Со мною, навеки со мною.

Летний дождь

Летний дождь всё идёт, идёт,
Городского не слышно гула.
Высоко звезда промелькнула, —
Верно, там летит самолёт.

Отчего это, отчего,
Может быть, от прохлады влажной, —
Над громадой шестиэтажной
Начинается волшебство:

Нет ни комнаты, ни Москвы,
Только горы, горы и горы,
Опалённой земли просторы
Да шуршанье сухой травы.

Это вовсе не самолёт —
Это время летит обратно,
Совершая невероятный
К отошедшему поворот.

И уносит меня туда,
Где меня давно позабыли,
Где седеет листва от пыли
И в арыках мутна вода.

Сколько отгромыхало гроз!
Изменился тот остров дальний.
Изменился и взгляд печальный,
Доводивший меня до слёз.

Я не та уже, я не та,
Отошли голубые ночи,
Стали дни скупей и короче,
Стала проще их красота.

Летний дождь всё идёт, идёт
За моим окном и за всеми...
Как же я приняла за время
Пролетающий самолёт?

Лорийское ущелье

Поезд шатнуло. В купе сквозь глухое стекло
Холодом древним дохнуло ущелье Лори.
...Полно, с тех пор больше четверти века прошло,
На календарь или в зеркало ты посмотри.
Ты в своей комнате мирно сидишь за столом,
И за окном никакого Лори не видать.
Что ты копаешься в невозвратимом былом?
Трезвому разуму это совсем не под стать.
Как это можно — из прошлого выбрать кусок,
Время стирает следы пробегающих лет...
Впрочем, теперь до Лори путь не очень далёк:
Купишь свободно на «ИЛ-18» билет.
Только билета в прошедшее не продадут,
Да и себя — ту, былую — нигде не найдёшь.
Воображенье ломает привычный уют,
И пробирает тебя незабытая дрожь.
Воображенье — ничуть не стареющий друг:
Поезд качается рядом с рекой ледяной...
Благословляю свой неисцелимый недуг,
Вся моя сила лишь в слабости этой одной!

На смерть Исаакяна

Красавица, волшебница, принцесса —
Нарядная грузинская земля!
Сквозь гор твоих зелёные навесы
Гляжу я вдаль, на тихие поля,

На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.
И над Курой, как будто над Зангу я,
Закрыв глаза, растерянно стою.

На что мне эти радостные звуки
И замки на отвесах этих скал?
Беспомощно протягиваю руки
Туда, туда за дальний перевал,

За синеву холодного Севана,
Где обожжёшься, из него глотнув,
Туда, где проступает из тумана
Такой знакомый розоватый тuff.

А там сейчас идут за гробом толпы
И дождевая нависает мгла...
Никто меня безумною не счёл бы,
Когда бы я пешком туда пришла,

Упала б на сырую землю прямо

Среди камней, меж близких мне людей.
...И в золотом прозрачном Сагурамо
Я плачу об Армении моей.

Тбилиси.
1957 год. Октябрь.

Армянскому народу

Ни бездомной печали твоей,
Ни бесщётных безвестных могил
Не прощу чёрной злобе людей,
Не прощу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

Глинобитных лачуг нищету
На колонны из туфа сменив,
Сохранил ты свою простоту,
Терпеливой души красоту —
Добрый свет над просторами нив.

Но когда кто-нибудь из армян
Запевает при мне «Журавля», —
Застилает глаза мне туман,
И мне видится бедный баштан
Да обугленные тополя.

Ты свободен и весел сейчас
В отчем доме и в братском краю.
Но твоих сыновей всякий раз
По газельей печалинке глаз
Безошибочно я узнаю.

Тунисская ночь

Африканские звёзды горели над морем.
Чуть шатаюсь от сладкого хмеля скитаний,
По приморскому саду мы медленно шли.
Вдруг обрушились чьим-то отчаянным горем
Странный ропот, безудержность горьких рыданий.
Мы решили, что это летят журавли.
Я такого ещё никогда не слыхала,
Затряслись фонари меж садовых растений,
И мне вспомнились «крунки»¹ армянских стихов.
Лишь от них так сжимало мне горло, бывало,
И мерещились давние скорбные тени,
И бездомных изгнанников слышался зов.
Вы откуда, откуда, откуда летите?..
Но замолкли рыданья над пышным отелом,

---

¹ **Крунк** — журавль, традиционный образ скитальца в армянской поэзии.

И, простившись, по комнатам мы разошлись.
Не спалось. Протянулись незримые нити
В даль веков, не порвать их часам и неделям, —
Будет помниться долго полночная высь.
...А потом оказалось, что это фламинго
Недалёко от тёмного сада кричали,
Журавлям же теперь и не время летать.
Так вот вышла с моею печалью заминка,
Видно, склонны поэты к напрасной печали.
...Отчего же сейчас мне взгрустнулось опять?

Луна в Армянском переулке

Очень хотелось бы, чтобы чудесный
дом в Армянском переулке Москвы
снова стал «Домом Армении».

Опять прийти сюда весной,
Другие отложив прогулки,
И молодеть — тому виной
Луна в Армянском переулке.

Луна Армении в Москве.
Чу!.. Лает вдалеке собака,
Вот-вот змея мелькнёт в траве,
Качнётся стебель эринджака,

Севан повеет холодком...
Но нет, далёко до Севана.
Войди во двор, в старинный дом,
Тихонько сядь в углу дивана.

И слушай дорогую речь,
Дыша знакомою отравой,
Следи в блистанье белых свеч
Мельканье головы курчавой.

Но силлабический размер
Смолкает. Залы пусты, гулки.
Ну что ж, прощай, барí гишер¹,
Луна в Армянском переулке.

---

¹ Доброй ночи.

Военные песни

Р. Ованесяну

Лил дождь на постель — потолок протекал,
Но в холоде, в горе бездомном, в болезни
Горели мы верою в полный накал,
Военные песни, военные песни.

Отброшу нарядные книги стихов,
Заслышав простые слова этих песен,
И плачу от чистых напевов и слов,
Чей автор мне даже порой неизвестен.

Нет, автор — величье солдатской души,
Когда то сказавшей России: воскресни!
Хоть сотни изысканных строф напиши —
Я всё ж предпочту им военные песни.

В Армении в сорок четвёртом зимой
Пел «Тёмную ночь» возвратившийся с фронта
Разведчик-поэт. Как он пел, боже мой!
Светлела уже полоса горизонта.

И если на сердце бывало темно
И в песнях рыдали обиды и беды,
Нам в самых печальных звучало одно:
Торжественное приближенье победы.

Всё крепче и крепче незримая нить,
Связавшая живших без фальши и спеси.
До смертного часа мне вас не забыть,
Военные песни, военные песни.

Пшат цветёт

Пшат цветёт. Над ручьями, над кровлями — пшат.
Кружат голову ветры весенние.
Тот, кто видел весной Аштарак, Арташат, —
Никогда не забудет Армении.

Говорят, что когда-то был именно тут
Рай беспечных Адама и Евы.
Полагаю, что если легенды и лгут,
Всё же здесь было райское древо.

Только, верно, не яблоней было оно,
А серебряным пшатом цветущим.
Но вкусить от него было нам суждено
В отдалённом от предков грядущем.

И кому это в голову только пришло
Труд назвать — за грехи наказаньем,

Что на свете надёжнее, чем ремесло,
И прекраснее, чем созиданье!

Пшат цветёт. Зеленеют скала и утёс.
А в долинах — и розы, и хлопок.
Тешет камни Армении каменотёс.
Пусть клеветают в «свободных европах», —

Пшат цветёт, льётся жизни струя через край,
Дышит полдень уверенной силой.
Здесь, — на этой земле, — человеческий рай,
Упоительный, трудный и милый.

Не так уж многого хочу...

И снизится, как прежде, самолёт,
И по земле кремнистой побежит.
В который раз — к чему вести нам счёт? —
В груди струна всё та же задрожит.
Увижу я товарищей армян,
Встречающих — ну пусть и не меня...
Мне часто говорят: самообман —
Греть сердце у не своего огня.
Не своего? Раз греет — значит, свой.
Здесь каждый встречный близок мне, как брат,
Когда с закинутою головой
Смотрю, смотрю, смотрю на Арарат
И сбрасываю тридцать лет, взглянув
На площадь, на прекрасные дома,
На благородный розоватый туф,
Весенний, даже если и зима.
По-прежнему чту свято имена:
Месроп Маштоц, Вардан Мамиконян...
Но мне сейчас, как вера в жизнь, нужна
Земля живых сегодняшних армян.
Ведь я не так уж многого хочу:
Пока дышу, пока ещё живу
Знать, что в любимый край я полечу,
И не в блаженном сне, а наяву.

Россия и Армения

Левону Мкртчяну

Опять стою у старенькой калитки
На маленьком клочке большой земли.
Сюда, как переходящие калитки,
Меня воспоминанья привели.
Стараюсь в забытый сад взглядеться,
Пахнуло вдруг вечерней резедой...
Но вы не любите стихов о детстве,
Недавний друг мой, слишком молодой.
Черёмуховый сад провинциальный
Вам в Закавказье вашем ни к чему,
Да вообще мой бред сентиментальный,
Наверное, не нужен никому.
О детстве долго говорить не буду,
От скрипнувшей калитки отойду,
Забуду эту глупую причуду —
Искать чего-то в снящемся саду.
Но, знаете, ведь и моё приращье
К высокогорной вашей стороне
Не рождено ль в час грустного ненастья
Там, в средневожской русской тишине!
Я так любила небольшие горы
За тихим садом, узенькой рекой,
Что Арагаца снежные уборы
Мне показались близкой красотой.
Колючие травинки на Севане
И голубые блёклые цветы —
Пускай у них нерусское название —
Напомнили мне родины черты.
Моя любовь к Армении похожа
На вечную любовь к своей земле.
Не разберу которая дороже,
Не гаснет жар в нестынувшей золе.
Равно я добрым жаром сердце грею,
Уж такова загадка бытия:
Не будь Россия родиной моею,
Армению не полюбила б я!

ПЕРЕВОДЫ

Наапет Кучак (XVI в.)

* * *

Откуда ты пришла в мой дом, я был с тобою незнаком!
Огонь был в рукаве твоём, теперь я сам горю огнём,
Ты золото любви тайком расплавил в огне своём
И в ухо сердца моего продела золотым кольцом.

* * *

Милая, если позволишь платье твоё расстегнуть, —
Я с твоего разрешенья в сад превращу твою грудь,
Благословлять его стану, в этом уверена будь,
Сам сатана не посмеет смертью прервать этот путь.

* * *

— Что возьмёшь за поцелуй, молви, милое создание?
Усмехнулась: — А твоё велико ли состоянье?
Если хочешь заплатить, не получишь ты лобзанья,
Если любишь горячо — утолю твоё желанье.

* * *

Я не клевал зерно с земли, — ручною птицей стать не мог,
Под облаками я летал, чтоб не настиг меня злой рок,
Но всюду — западня любви, и я себя не уберёг:
Не только ноги, как другим — опутал крылья мне силок.

* * *

Меня не берёт и молот — вот твёрдость моя какова.
Я твёрже камня, я выше, чем на небе туч синева.
Пусть лук из рога оленя, из волчьих кишок тетива, —
Стрелок напрасно стреляет — любовь будет вечно жива.

* * *

Я — глаз, ты — свет. Без света глазу лишь темнота видна,
Я — рыба, ты — вода, а рыба жить лишь в воде должна.
Но рыбу брось в другую воду, и оживёт она,
Я ж без тебя — мертвец, а помощь умершим не нужна.

* * *

Белогрудой красоте платье синее идёт,
Пуговицы расстегнёт — юношу с ума сведёт.
Пусть красильщик ни один синей краски не найдёт,
Чтоб ей в синем не ходить, не сводить с ума народ.

* * *

Шла она с другим, болтая по привычке к многословью,
Жалуясь ему на что-то, поводя сердито бровью.
— Бог с ней, — сердце подсказало, — отойди не прекослова,
Ведь любовь по принуждению не считается любовью.

* * *

— Где зелень, — я вскричал в горах, — где деревцо зелёное?
Сказал мне встречный: — Вкруг тебя лесов кольцо зелёное,
Когда ты любишь — светишься, как озерцо зелёное,
А нет любви — душа черна, одно лицо — зелёное.

* * *

Не исповедовался я со дня рожденья, братья.
Завидев издали попа, всегда спешу удрать я.
Живу любовью, не боясь поповского проклятья.
Мой духовник — любимой грудь, мой храм — её объятья.

* * *

Я сказал своим глазам: — Полно вам, нетерпеливые!
Нечего смотреть на мир, не считаю мир за диво я.
Отвечали мне они: — Что это за мудрость лживая?
Покажи ты нам глаза, что не смотрят на красивое!

* * *

Люди пришли и сказали: — Стал твой любимый монахом.
В недоуменье безмолвном я размышляю со страхом:
Как он смирится с горохом — сладкое ел на пирах он,
Как власяницу наденет — к тонким привык он рубахам?!

* * *

Я очень по тебе скучаю, и стоишь ты того,
Зависит жизнь моя от часа прихода твоего.
Порой бывает долговечным земное существо,
Но долгий век без милой сердцу не стоит ничего.

* * *

Говорил о красоте ей. — Это бог мне дал её.
Умолял о поцелуе, а она твердит своё:
— Должен ты отдать мне душу за лобзание моё.
— Душу я отдам охотно, пусть идёт в твоё жильё! —
Лишь бы глаз не попросила, ведь без них мне не житьё,
Сорок шесть иметь их нужно, каждый глаз, как остриё, —
Я одним на мир смотрел бы, остальными на неё.

* * *

— Вот гранат, разрежь, ты видишь, сколько зёрнышек внутри, —
За зерно по поцелую, лишнего мне не дари.
— Я тебя считала умным, уходи и не дури.
Это слыханное ль дело — целоваться до зари?!

* * *

Как мне быть? Огонь любовный, сердца моего не жги!
Жажду поцелуя милой, говорю ей: — Помоги,
Огради себя, услышав под окном мои шаги!
— Милый, мне не уберечься, ты меня побереги.

* * *

Если б та, чей стан свободно перехвачен пояском,
Бедною была, а я бы не был жалким бедняком, —
Тысячу монет бы отдал, распроставшись с кошельком!
За три родинки на щёчках приплатил бы я тайком —
Стоит каждая алмаза и объятия притом.

* * *

— Из чего ты создана? Из рубина, изумруда?
Мылась розовой водой из какого ты сосуда?
— Если это обо мне, я и вправду белогруда,
Пуговицы расстегну — погляди-ка, что за чудо!

* * *

Благословен ушедший с милой за дальний перевал.
Мост перешли они, и тотчас тот мост разрушил шквал.
Засыпало следы их снегом, буран забушевал...
Он взял её лицо в ладони и — днём — поцеловал.

* * *

Выбери четверостишье, что на ум тебе придёт,
Говори про наше время, про людей, про жизни ход,
Только не хули без смысла бездомников-сирот,
Полагая, что скитальцы необидчивый народ.

* * *

Если б стало чернилами всё бесконечное море,
Тростники всех болот стали перьями б, с лучшими споря, —
Все монахи Стамбула и Рима, и наших нагорий,
Мудрецы Хорасана, Мугри, будь хоть все они в сборе, —
Не смогли бы прочесть эту длинную летопись горя.

* * *

Самым худшим из проклятий проклинала сына мать:
— Уходи в края чужие, чтоб навек скитальцем стать.
С твёрдым камнем в изголовье на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь отчей кровли благодать.

* * *

Обидевший скитальца пусть станет сам таким, —
Пускай поймёт, что значит под небом жить чужим.
Хотя дождём там будешь осыпан золотым, —
Всё будет вспоминаться родных селений дым.

* * *

Жалок тот, кто, имея немало родных и семью,
Сам от них оторвался и жизнь омрачает свою.
Все по праздникам вместе, как будто в цветущем раю,
Он же сломанной веткой иссохнет в пустынном краю.

* * *

Цари, князья, врата закона, властители земли,
Вы, злых начальников поставив, скрываетесь вдали.
Пришли к вам те, кого на горе, на смерть вы обрекли.
Подумайте, они не к богу — к вам с жалобой пришли!

* * *

Я в змеёныша влюбился. Это глупо, сознаю,
Было глупостью второю подойти к змеи жилью,
Матерью-змеёй ужален, я сижу и слёзы лью.
Поделом я так наказан, — не люби, глупец, змею.

* * *

У человека раз в руках был камень драгоценный,
Пока он думал, как с ним быть, пропал алмаз отменный.
Заплакал горько человек, сражён судьбы изменой,
Но не имеет плач цены нигде во всей вселенной.

* * *

Повстречался мне однажды неразумный человек.
Не по твёрдой суше ходит, а по зыбким водам рек.
Он построил деревянный неустойчивый ковчег, —
Станет пищей рыб и кончит незадачливый свой век.

* * *

Как мне быть, когда мила мне каждая красавица?
Если это неизбежно, как с собою справиться?
Я решил однажды к богу с девушкой отправиться:
Мол, твоё люблю созданье, что ж тебе не нравится?

* * *

Цари, султаны, все, кому пришлось высоко сесть, —
Стоят рабы, стоят войска, вам отдавая честь.
Законы грозные у вас, повсюду ложь и лесть.
Чините свой неправый суд — над вами высший есть!

* * *

Апельсинами, инжиром радуют деревья в срок.
Без плодов красива ива, но какой же в этом прок?
Часто любят молчаливо, но какой же в этом прок?
Умереть любя не диво, но какой же в этом прок?

* * *

От долгих раздумий растут и печаль и забота,
И сахар не сладок, и жжётся вода отчего-то,
И таешь свечою, страшась до холодного пота,
Жизнь так беспокойна, трудна, что и жить неохота.

* * *

Когда душа полна любви — нам не смежить ресниц.
И день, как ночь, и ночь зыбка, вся в трепете зарниц.
И бог и люди пасть должны перед любовью ниц!
Иная же любовь — любовь собак, волков, лисиц.

* * *

Невинным агнцем был рождён я матерью моею
И вынут из купели был жемчужины светлее.
Я вырос, грешником я стал, погряз в грехах по шею.
Как это сделал сатана, — понятия не имею.

* * *

Сидя возле пышной розы, шепчет серенький певец:
— Кто я? Маленькая птичка... Создал зря меня творец.
Грудь колючими шипами расцарапана вконец,
День и ночь лелею розу, а сорвёт её глупец..

* * *

Давай советы лишь тому, кто сердцем не оглох.
Какая польза в том, что ты невежде скажешь: «Ох!..»
Тот, кто умён, благодарит и за участия вздох,
А глупый, выслушав совет, решит, что сам ты плох.

* * *

Нигде я друга не нашёл, все обойдя края,
И, поразмыслив, так решил: мой друг — рука моя.
Пока работает она — есть братья и друзья,
А перестанет — никому не буду нужен я.

* * *

Язык — орудие речи, у праведных — золотое.
Змею пополам разрежет мудрец речей остротою.
Но тот, кто сказал сегодня одно, а потом другое, —
Зовётся ползучим гадом со скользкою чешуёю.

* * *

Спросили мудреца: — Скажи, ты знаешь или нет,
Зачем при теле душу дал творец, создавший свет?
— Возможно, чтоб людей поднять превыше зол и бед,
Иль душу в тело он вложил, как в перстень самоцвет.

~~~~~

Саят-Нова (XVIII в.)

* * *

Друг, ты попал в сети любви — песенный дар я для тебя.
Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для тебя.
Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для тебя.
Смерти твоей я не хочу, персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись, — розы своей не обездоль,
Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня, помня хлеб-соль,
Мир обойдя, ты не найдёшь розы такой, ласковой столь,
Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индостан не улетай, что тебе ткань, бархат, атлас,
Всё, чего ждёшь, здесь ты найдёшь, — шёлка пожар я для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя жертвою стать.
Будем с тобой весело жить, нам с соловьём грусть не под стать.
Пусть говорят всё, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг, Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой, — сладостный тар я для тебя.

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач.
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжёшь, не лечишь ты рану, горит — хоть плачь.
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне!
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу от жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе своё научись избыть,
А не то оборвёшь краткой жизни нить,
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрёт червяк,
Ты вложила мне в рану палючий знак,
Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной —
Дай иного, иного лекарства мне.

— Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад — Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдёт в моё сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда, отсюда?

Стан твой в шёлк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутолимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьём рыдал я,
Ронял не слёзы, а лал я,
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты в гордыне, —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Друзья, о моём недуге
Шепните тайком подруге,
Чьи брови — тонкие дуги.
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слёзы, —
Горю любовью, сгорая, сгорая.

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На всех пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, близким, равным!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придёт указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, близким, равным!

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, близким, равным!

* * *

Роза шлёт весть соловью: мол, расцвела — ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, — ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак у села ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забытии был Ростом — недругов тщетна засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты скромной»;
Это всё козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Исстари всё ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила, слуги шаха ждала, ожидает.

Микаел Налбандян
(1829—1866)

Свобода

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И брэнному созданью дал
Дар кратковременного века,
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простёр
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спелёнат, связан в колыбели
И заливался и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребёнку малому в угоду, —
Наверное тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий,
И радовались все кругом
Живому лепету ребёнка,
Не «мать» и не «отец» — тогда
Сказал я, как велит природа,
Нет, детские мои уста
Произнесли: свобода.

Свобода? Эхом прозвучав,
Судьба сурово спросила, —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжёк будет путь
Отдавшего себя народу,
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу.

Свобода! Восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, зывать
И повторять: Свобода!

Дни детства

Дни детства, невозвратные, как сон,
Прошли-ушли беспечной чередой.
О, лёгкие, о, радостные дни,
Промчавшиеся вешнею водой!

Младенческую простоту сменив,
Явилось знание, стал суровей нрав,
Я размышлением наполнил дни,
Минуты не оставив для забав.

А вслед за тем сознание пришло:
Судьбой народа грудь отягчена!
Тогда мне лиру подал Аполлон,
Чтоб исцелила эту боль она.

Увы! И лира в дрогнувших руках
Запела грустно, жалобно звеня,
О том, чем чувства полнились мои,
И звук её не радовал меня.

И понял я тогда, что эта боль
Дотоле в бедном сердце не пройдёт,
Доколе сир, безмолвен, угнетён,
В позорном рабстве будет жить народ.

Зачем так скоро, детство, ты прошло?
Умчалось, упорхнуло без следа.
В ту пору я таким свободным был.
Владыкой мира мнил себя тогда.

Давящих я не ощущал цепей,
Не чувствовал насилья злых когтей.
Лишь после на меня они легли,
И проклял я дни зрелости своей!

Молчи же, лира, больше не звени,
Возьми её обратно, Аполлон,
Отдай тому, кто может жить слепым,
Любовью милой навсегда пленён.

А я пойду на площадь, на простор
Без лиры, без нарядных, пышных слов.
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов.

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь.

Пускай Дельфийский прорицатель лжёт,
Беснуясь на треножнике своём,
Пытаясь тщетно обмануть народ
И тёмной мысли покорить старьём.

Пусть проповедует близ волн морских,
Пусть тешится фонтаном лживых фраз —
К свободе призываем мы людей.
Лишь это слово на устах у нас.

А ты, творец, в далёких небесах
Скажи: народ мой будет пощажён?!
Не дай ему погибнуть от врага,
Оракулу не внемлет больше он!

Иоаннес Иоаннисиан (1864—1929)

Певцу

Пусть прелесть песенных созвучий,
Родившись в глубине сердечной,
Своей гармонией певучей
Разбудит дремлющих беспечно.

Зажги в нас пламень благородный
Больших страстей, большого чувства —
И мы поклонимся свободной,
Бессмертной правоте искусства.

* * *

Если горькие мученья
Суждены тебе судьбой,
Если рабство и гоненье
Мир закрыли чёрной мглой,

Если замер звук чудесный
Песни радостной твоей,
Всюду слышен лишь железный
Лязг безжалостных цепей, —

Не отчаивайся, к людям
С верной лирой выходи:
Нам благословеньем будет
Слёзный ключ в твоей груди...

Или станет пусть сильнее
Песни громкая труба, —
И воскреснет вместе с нею
Дух восставшего раба!

Голос твой грозой нежданной
Пусть пробудит тех, кто сир,
И развеет мрак туманный
Обагрённый кровью мир.

* * *

Идём, товарищ, поплачем вместе с тобой,
Пусть другие смеясь и шутя живут, —
Нам только слёзы и скорбь суждены судьбой,
До самой смерти суждён непосильный труд.

Наверное, мироздания закон таков,
Что с горем об руку в путь идёт человек.
Мы падали, поднимались в плену оков...
Но непреклонной осталась душа навек.

Стоим — измучены телом — на полпути,
Лишь путеводную видя вдали звезду.
Одни мы остались... Жаждет душа найти
Отвагу и силу, чтобы избыть беду.

Все блага жизни были, увы, не для нас,
И мы с тобой лишь труженики навсегда...
Ну что ж, вперёд! В безутешный печальный час
Плечо к плечу, как мы долгие шли года!

Ованес Туманян
(1869—1923)

Дитя и вода

Народное

С покрытых тучами высот
В село вода идёт, поёт...
Вот смуглое дитя бежит,
К воде серебряной спешит.
Умылось, брызгами блестя,
И говорит воде дитя:

«С какой горы течёшь сюда,
Моя студёная вода?»
«С вершины тёмной, выше всех,
Где рядом с новым старый снег».

«В какой ручей, свежее льда,
Бежишь ты, светлая вода?»
«К такому ручейку бегу,
Где много роз на берегу».

«А в чей ты сад идёшь тогда,
Моя студёная вода?»
«К тому хозяину иду,
Что славно трудится в саду».

Конец зла

Стояла гора,
Как время, стара.
Росло деревцо.
И трое птенцов
Гнездились в дупле,
В уюте, в тепле.

Кукушка пела на суку:
«Ку-ку, кукушечки, ку-ку,
Растите вы!
Летите вы!»

Так пела мать, и дни неслись.
И вдруг приходит страшный Лис:
«Хозяин здесь — я,
Гора тут моя.
Моё и дупло,
Гнездо и тепло.

И кто мог посметь
Моим завладеть?

Кукушка, глупая, скорей
Скажи мне, сколько там детей?»
«Их трое, сударь Лис, втроём
Птенцы сидят в гнезде своём».
«Ах, значит, нет в тебе стыда!
Дай в слуги мне скорей сюда
Хоть одного! Напрасен спор.
Не то пойду возьму топор

И ствол срублю,
И всех сгублю!»
«Ой, не руби!
Ой, не губи!
Птенца отдам.
Но только нам
Оставь наш дом:
Дупло с гнездом», —

просила мать-кукушка и сбросила вниз одного из птенцов. Лис — хватъ, взял и ушёл.

«Ку-ку! Ай-ай!
Дитя, прощай!
Где — на горе
Или в норе,
Там, где кусты,
Погибло ты?
Дитя, прощай!
Ку-ку... Ай-ай!» —

плакала мать-кукушка, но вот Лис вернулся.

«Хозяин здесь — я,
Гора тут моя,
А в дереве том
Дупло есть с гнездом.
И кто мог посметь
Моим завладеть?!

Кукушка, глупая, скорей
Скажи мне, сколько там детей?»
«Их двое, сударь Лис. Вдвоём
Птенцы сидят в гнезде своём».

«Ах ты разбойница, ах, ах!
И так от них рябит в глазах,
Гляди, всю местность, все кусты
Кукушками заселишь ты!
Брось одного! Напрасен спор.
Не то пойду возьму топор.

И ствол срублю,
И всех сгублю».
«Ой, не руби,
Ой, не губи!
Бери птенца,
Но до конца
Не разоряй,
Не убивай,
И жить нам дай!» —

просила кукушка-мать и сбросила вниз второго птенца. Лис — хватъ и ушёл.

«Ай-ай, ку-ку!
Сиди — тоскуй.
Глупа была —
Сюда пришла.
В недобрый час
Вскормила вас.
И Лис пришёл,
Птенцов увёл.
Куда, ку-ку!
Девать тоску?» —

плакала мать-кукушка. В это время — кра-кра-кра! — пролетала по тем местам ворона. Услышала плач кукушки.

«Ой, как ты плачешь! Кра-кра-кра!
О чём ты плачешь так, сестра?»
«Кума, послушай, подивись,
Пришёл жестокий сударь Лис,
Наговорил мне страшных слов,
Унёс и съел моих птенцов».
«Ну, горе мне, как ты глупа,
Кукушка, или ты слепа!
Ведь этот Лис бесстыдно врёт,
Коль гору он своей зовёт.
И кем ему здесь всё дано?
Гора для всех стоит равно.
И кто позволит, чтобы он
Установил здесь свой закон?
Всем угрожает топором
И разгоняет всех кругом.
Вчера — птенца, сегодня двух
Он съел. А ты лишь плачешь, друг...
Откуда взять ему топор?
Ну вот, не бойся с этих пор
И, если он придёт опять,
Скорей спеши его прогнать».

Так сказала ворона и улетела. Вот опять пришёл Лис —

«Хозяин здесь — я,
Гора здесь моя...»

едва успел промолвить он — кукушка высунула голову из гнезда:

«Не верю я тебе теперь,
Проклятый, ненасытный зверь!
И кем тебе гора дана?
Для всех равно стоит она.

Зачем так врал ты мне, злодей?
Я лжи поверила твоей,
И отдала тебе птенцов.
С меня довольно лживых слов!
И сколько ты теперь ни злись,
Меня не испугаешь, Лис.
И про топор ты мне солгал...»

«А кто сказал?»
«Ворона... Кто ж?»
«Отмщу за ложь!»

Сердитый Лис убрался восвояси. В поле он прикинулся мёртвым, а ворона подумала, что Лис подох, прилетела, чтобы выклевать ему глаза. Лис — хватъ, поймал её.

«Кра-кра! Ой-ой!
Ой, сударь мой...»
«Так, ябедница злая, так!..
Ты наплела кукушке врак,
Что нет у Лиса топора,
Ну, кончилась твоя пора!»
«Ой, сударь, ой,
Перед тобой
Грешна, грешна! Винюсь во всём.
Терзай меня. Глотай живьём.
Карай, как хочешь, но сперва
Услышь последние слова:
На той вон горке, против нас,
Я клад зарыла про запас:
Хоть все насесты обойдёшь,
Нигде такого не найдёшь.
Обидно зря ему пропасть, —
Ведь ты бы мог покушать всласть.
Пойдём, достанем этот клад
Из-под земли. Сам будешь рад.
А если я тебе совру —
Что ж, я в зубах твоих умру!»

«Пойдём, — сказал Лис. — Будет клад — хорошо, не будет — я тебя съем».

Пошли.

Пролетая, ворона заметила лежащую в кустах собаку крестьянина. Вела-вела она Лиса и прямёхонько привела к этим кустам. «Вот, — сказала, — в этих кустах мой клад».

Лис с жадностью бросился в кусты. Собака вскочила, схватила Лиса за горло и подмяла. Лис, задыхаясь, захрипел:

«Ах, с давних пор
Я был хитёр.
И вдруг, дурак,
Попал впросак.
Будь проклята
Ворона та!»

«Да, сударь Лис, ты злой хитрец,
Но должен быть и злу конец,
Таков закон. Судьба мудра.
Кра-кра... Кра-кра!..» —

ответила ворона и улетела.

Аветик Исаакян (1875—1957)

* * *

Брожу в лесу меж глухих прогалин,
Сова и ворон мне говорят:
— Ай, бедный парень, как ты печален,
Ты, верно, болен, — говорят.

Брожу я молча в лесу багряном,
Деревья плачут сквозной росой:
— Ай, глубока в твоём сердце рана,
Мы горько плачем над тобой.

Под ветром листья зашелестели,
И золотая поёт метель:
— Ай, бедный парень, то листья стелют
Твою последнюю постель.

* * *

Пусть над безымянной могилой моей
Вздыхает лишь ветер тоскливо,
Пусть будет не крест и не камень на ней, —
Одна лишь плакучая ива.

* * *

Так много крестов нёс я годы подряд,
Вручала их злая рука мне.
На сердце моём с давних пор уж лежат
Тяжёлые чёрные камни.

* * *

Мне снилось: я, раненный в сердце, лежал
Один на прибрежном песке,
Баюкал меня набегающий вал...
Забылся я в тихой тоске.

Мне снилось: весёлою песней звеня,
Товарищи мимо прошли,
Никто не позвал, не окликнул меня,
И песня умолкла вдали...

* * *

На обочине горной тропы
Запылённою розой цвету.
Солнце жжёт лепестки и шипы,
Опалённою розой цвету.

Любы девушкам розы садов,
Проходя, не глядят на меня,
Осыпаюсь от знойных ветров,
Одинокую долю кляня.

Я ничьих не порадуя глаз,
Сиротливо моё забытьё.
Злая ревность шипами впилась
В одичалое сердце моё.

* * *

Журча, бежит ключевая струя
Долиною роз в предгорную тишь.
Ах нет, это ты, певунья моя,
С другим — не со мной — венчаться спешишь.

Ну, что же, забудь обо мне, ступай.
Дай бог тебе счастья с другим, сестра!
Мне к новой подруге в далёкий край
В богатом наряде спешить пора.

Ах, в чёрную ночь, на чёрном коне
Поеду я к ней, с оружием в руках.
Она меня ждёт, грустя обо мне,
Тоскует она в далёких горах.

Эй, ветер, с тобой в тоске говорю!
Эй, буря, лечу венчаться с тобой!
Тебе я любовь свою подарю,
В объятьях твоих мой смертный покой.

Есть тополь в тиши села моего,
Шумит и шумит над тобою он, мать,
Как часто ты будешь слушать его,
Но сына речам тебе не внимать.

Паду от родной земли вдалеке,
В степи, беспощадным зноем палим,
Мне выроет конь могилу в песке,
Один в ней усну я с горем своим.

* * *

Никто не понял скорбных слёз моих,
Рукою нежной ран не исцелил.
Никто не холил грустных роз моих,
Благоуханья песням не дарил.

Я за участие жизнь готов отдать, —
Ах, если б я был понят и любим,
На свете выше блага не сыскать,
Чем счастье служения другим.

Так много и любил и плакал я, —
Никто не понял скорбных слёз моих.
Так жаждала любви душа моя,
Никто не холил грустных роз моих.

* * *

Растерянно дикие утки взлетели...
Кто мчится сквозь мрачную ночь на коне,
Быстрее свистящей холодной метели?
Я мчусь по полям в их немом полусне.

Взлечу я на небо в свечении звёздном,
Открою бездонности горе своё,
Я в тучи нырну, спрячусь в облаке грозном,
Пусть молния в сердце вонзит остриё!

О, только б укрыться от злобы и фальши,
От низких, коварных, трусливых людей,
Уйти от бесправного мира подальше,
Подальше от плена ничтожных страстей!

Не стоит весь мир этих слёз безотрадных,
Ни другу, ни милой любви не дари.
Уж лучше меж тигров живи кровожадных,
В пустыне от вечного солнца сгори!

* * *

Враждует с человеком человек,
Друг против друга точит меч весь век.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму,
Заботы не прибавлю никому.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я за себя вступать не стану в бой.

Ты не поймёшь

Что мне весна и звонкий бег ключа?
Померк от горя блеск моих очей.
Бреду один, всю скорбь земли влача.
Не спрашивай о горести моей.

Я угнетённого народа сын!
Идёт путём кровавым мой народ
И век за веком, в тьме глухих годин
Насилья цепи ржавые грызёт.

И я в плену старинных этих пут,
Поверженный, припал к земле, стена.
Прохожие, поправ меня, идут...
Нет, нет, не плачь, не утешай меня!

Святое слово матери грязнят,
Всё: родину и сердце — жизнь мою,
Они терзают, повергая в ад.
Ты не поймёшь, что в сердце я таю!

О горстка пепла — сырый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжёт, —
Я в сердце раны родины ношу.

Летать хотел бы с птицей наравне,
Любить, мечтать... но цепи нележки.
Гнетёт ярмо народа плечи мне.
Нет, не понять тебе моей тоски.

* * *

Старый друг, родник,
Прежде каждый миг
В твой живой кристалл
Песни я вплетал.

А теперь устал,
Молчаливым стал.
Твой же лёгкий звон
Мчится в даль времён.

* * *

Рано поутру
По лугам вдвоём
С мальчиком моим
Мы гулять идём.

Рвёт цветы дитя,
Напевает им, —

Как, бывало, я
Пел цветам другим.

Тяжек миг один,
А года легки;
Пронеслись они —
Ныне далеки.

Мнится мне, что мир —
Только смутный сон:
Я — минувший день,
Настоящий — он.

А грядущий день,
Словно взор немой,
На меня глядит
Безысходной тьмой.

* * *

Пусть придёт за мной
Смерть моя весной,
Пусть в последний час
Роза в первый раз
Расцветёт в саду...
Пусть случится так
Прежде, чем уйду
В бесконечный мрак.

~~~~~

Ваан Терян (1885—1920)

Карусель

Ты кружись, ты кружись, карусель,
В этой музыке юности хмель.

Помню чистого сердца мечты,
Помню розовый утренний свет.
Улыбнулась мне ласково ты —
Вспыхнул в сердце любви первоцвет.

Клялся я, ты мне клятву дала...
(О, доверчивые времена!)
Лгали мы, или жизнь солгала?
Пели мы, или пела весна?

Ты кружись, ты кружись, карусель,
В этой музыке юности хмель.

Всё звенело и пело во мне
В баснословные эти года.
Наяву или только во сне?
Всё равно — отошло навсегда.

Ропот, слёзы, разлука, печаль...
Плакал мир, или ты, или я?
Лёгким дымом умчалась ты вдаль,
Отгоревшая юность моя.

Ты кружись, ты кружись, карусель,
В этой музыке юности хмель.

Помнишь песню минувшего дня?
Ты её повторяешь теперь:
«Я люблю, ты не любишь меня».
Но стара эта песня, поверь!

В тихом парке знакомый мотив:
«Невозвратное время...». Луна,
Поцелуи и шорохи ив...
Не у всех ли дорога одна?

Ты кружись, ты кружись, карусель,
В этой музыке юности хмель,

На блаженном пиру бытия
Каждый тайною счастья пленён,
Был таким же безумцем и я,

Я — вчера, нынче — ты, завтра — он.

Ты кружись, ты кружись, карусель,
В этой музыке юности хмель.

Осень

Вновь осень, тучи и дожди,
Тумана утреннего сеть...
Не плачь, не сетуй, подожди,
Дай красоту твою воспеть,

Багряную твою листву,
Взметённую порывом бурь,
Чуть шелестящую траву,
Чуть проступившую лазурь.

Душе задумчивой сродни
Твоя заплаканная даль,
Бессолнечные эти дни,
Поникших мокрых трав печаль.

А песня ветра и дождя —
Как песни сердца моего.
О, как воспеть мне, уходя,
Осенней грусти волшебство?!

* * *

Что осталось
В этой жизни у меня?
С бедным сердцем то же стало,
Что с отчизной в бездне горя и огня.

Что осталось?
Ночи долгие без сна,
В сердце — пепел и усталость,
Я — как ты, моя печальница-страна.

* * *

О муза горькая моя, с тех пор
Как с песней ты к душе моей прильнула,
Безмолвно глядя в брезжущий простор,
Я прохожу среди людского гула.
Но вот сегодня вновь услышал я
Крик узников, летящий из темницы,
И дрогнула опять душа моя,
Подстреленною заметалась птицей...
Опять, опять они зовут меня.
Нет, я не пленник грустной непогоды...
Ужели песней, полною огня,
Я не отвечу жаждущим свободы?!

Нежность

Будь сегодня мне сестрою,
Терпелива и добра, —
Посидим ночной порою,
Потолкуем до утра.

Будь, как мать, у колыбели
С тихой песнею родной,
Подойди к моей постели,
Посиди, поплачь со мной.

Исцели мне сердце лаской,
Так измучено оно...
Сядь и Расскажи мне сказку,
Позабытую давно.

* * *

Хорошо тому, кто спокойно спит,
Отчей кровлею ограждён от бурь,
Не страшась огня и кровавых битв,
Кто смеясь глядит в ясную лазурь.
Хорошо тому, чей открытый путь
Далеко лежит, и широк и прям,
Кто сомненьями не терзает грудь,
Веря, как дитя, ласковым речам.
Хорошо тому, у кого есть мать,
Чтобы песни петь сыну вечерком,
Кто без страшных снов может почивать,
У кого сейчас мирный отчий дом.
Кто глядит вперёд, смело ночи ждёт.
Поутру встаёт, счастья не тая,
А умрёт, когда смертный час придёт,
Хорошо тому, хорошо, друзья!
...В терниях, в крови наш далёкий путь,
Ужасов и бед нам не отогнать,
Лживой лаской нас трудно обмануть,
Злобные враги нас хотят распятать...
...Холодно. Зима побелила тьму,
Горе и печаль на пути моём...
Хорошо тому, хорошо тому,
У кого есть дом, мирный отчий дом.

Песня рабочих

На братский ликующий зов в ответ
Откликнулись звонкою песней дали.
Сегодня последняя ночь печали, —
Мы тёмному миру приносим свет.

Бродила нужда по пустым домам,
И ползало чёрной змеёй страданье...
Несём мы не жалобы, не рыдания —
Мы весть о свободе несём друзьям.

Мы будим уснувшего: не дремли,
Ты слышишь набат последнего гнева?!
Воспряньте под радостный гром запева,
Извечные труженики земли!

За новое дело, друзья, скорей!
Трубите же, трубы, ликуй, природа,
Рабочее знамя, свободно рей!
Красой пламенеющего восхода.

Егише Чаренц (1897—1937)

* * *

Всю ночь больной, полубезумный,
о солнце я мечтал без сна;
ни шороха во мгле бесшумной —
лишь ночь да тусклая луна.

А я, горячим солнцем бредя,
был с чудом встретиться готов,
о мудрой тосковал беседе,
хотел солнцеподобных слов.

Мир погружён был в тусклый сон свой.
И не было ни слов, ни солнца...

* * *

Осень, жёлтая осень стоит у ворот,
зябко ёжится, жалобно воя;
небо, словно больного запёкшийся рот,
просит солнца с зелёной листвою.

Зябко ёжится, жмётся к ногам моим пёс.
Как дрожит он, как холод несносен...
Поднимает глаза свои, полные слёз,
будто жалобно сетует: «Осень!»

Осень, осень, мой бедный... И вправду она.
Крепче жмись ко мне в час безотрадный.
Эта жёлтая осень, как волк голодна,
как тоска и как смерть беспощадна

Моему читателю

Шлю тебе мою работу,
как меж нами повелось.
Прочитай, а нет охоты —
книгу в сторону отбрось.

Всё вложил я в строки эти.
Как я жил и как страдал —
ни один поэт на свете
за меня б не рассказал.

Сердцем разбери сурово,
есть ли в книге мастерство, —

нету критика другого,
кроме сердца твоего.

Поэту-читателю

Быть может, ты согласишься с удивлением
на этот стих, где вычурности нет,
склонясь с усмешкой над стихотворением,
ты скажешь: до чего дошёл поэт!
А он лишь простоты добился ясной,
дающей работой ежечасной.

Мы одолели сложный, величавый
тонических стихов певучий ритм.
Учись писать, как тот поэт кудрявый,
что с нами чрез столетье говорит.
Как ясны эти ямбы и хореи,
как мужественно чист его язык,
зовёт он к жизни, жаром души грея,
и этим он бессмертен и велик.

Моей музе

Вот снова, снова ты со мной,
соратник, друг мой неизменный.
Я слушаю тебя с тоской
и радостью одновременно.

Как задушевна, как проста
теперь беседа наша стала,
как удивительно чиста
печаль, что в песне зазвучала.

Ты знаешь, я люблю её —
печаль, похожую на радость,
не ноет сердце от неё, —
в ней возвышающая сладость.

Так путник с высоты глядит
на пройденные им просторы.
Он утомлён, но мирен вид,
и слёзы не туманят взора.

Как много он успел пройти, —
когда же полднем утро стало?
Он оттирает пот в пути,
но даль туманом не застлало.

Нам далеко идти... Но пусть,
соратник мой, товарищ верный,
прозрачной будет наша грусть,
любовь — безбрежной и безмерной!

Сожжѣнные песни

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града...

А. Пушкин

Когда, как путник, что спустился в дол,
на кровлях пыльный вечер задремал, —
дорогой дум я в комнату вошёл,
достал стихи, что некогда писал.
Достал стихи и вновь прочёл я в них
историю надломленной души.
Я отвернулся от стихов своих,
и горький стыд объял меня в тиши,
когда сквозь строки, писанные мной,
я женское лицо увидел вдруг.
Задумчиво, с улыбкою скупой
приветствовал меня умерший друг.
И женский голос мне сказал: «Крепись,
очисти сердце от тоски пустой,
чтоб совесть не могла сказать: стыдись,
былого не затмило чернотой.
И если я всё дорога тебе,
и прошлые не омрачишь ты дни, —
подвижником будь в праведной борьбе,
поэта имя светлым сохрани».
...Товарищ мой, сестра моя, жена,
ты, героиня гордая моя,
вновь ярким солнцем жизнь озарена,
измученный, вновь улыбаюсь я.
Когда ты смолкла, я зажѣг огонь,
провёл рукой по лбу и волосам
и, отдаваясь воле дорогой,
сжѣг песни, что когда-то написал...

~~~~~

Гурген Маари (1903)

Поэт

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки...

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.

Орор, орор, спокойной ночи

Дням юности моей, залитым солнцем,
И новым чувствам жизни смелой, чистой,
Надеждам и мечтам моим бессонным,
Орешине густой, широколистой —
Орор¹, орор, спокойной ночи.

Орор, орор ущелью и долине,
Тропинке узкой, тополю и птице,
Акации моей, лесной малине.
Пусть нивам, скалам, людям сладко спится,
Орор, орор, спокойной ночи.

И камышам, и небесам лазурным,
Лесам, камням и пастбищам и лозам,
И сердцу, что побито ливнем бурным,
И всем сердцам — кроваво-красным розам —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор поэтам солнцеоким,
Чья мысль доныне над людьми витает,

---

¹ Орор — колыбельная.

Читателям и близким и далёким
И тем, кто нас уж больше не читает, —
Орор, орор, спокойной ночи.

Баллада о сибирских воробьях

В далёкой деревне далёкой Сибири,
В краю, где зима белой гривой трясёт
И дрожь пробирает берёзы, в той шири,
Где славный Ермак завершил свой поход, —

Жестокий мороз обжигает, как пламя,
Прямою колонной возносится дым,
Домишки с продутыми ветром углами
Напуганы насмерть бураном седым.

Сибирская стужа! Ты правишь не всеми,
Не всех укротили угрозы твои:
Под стрехами старых избёнок всё время
Чирикают зябнущие воробьи.

Хотя от чирикания снег не растает,
Амбар не наполнится крупным зерном, —
Чирикают храбрые, шумно взлетают,
Зима не пугает их мертвенным сном.

Пусть голодно, холодно так, что нет мочи,
Один воробей уж замёрз на лету,
И камушком падает жалкий комочек —
Они всё чирикают, всё на посту.

О чём они свищут, с отчаяньем споря?
О мире на всей утомлённой земле,
О старости, о человеческом горе,
О жизни безбольной, о летнем тепле?

О слове, а может быть, о равнодушии,
О суетных радостях, песня, боях,
О тоненьких нитях, связующих души,
Забывших могилах в далёких краях?

О чём — не поймёшь... Но чирикают птицы.
Попробуй-ка, буйную жизнь усмири!
Пусть ветер и стужа, пусть нет ни крупницы —
Чирикают, знай, от зари до зари!

Баллада о Чало и о первой любви

1.

Чало был пёс мой, пёс сероглазый.
Чудесным другом был Чало.
Он падал навзничь, он часто лазил
Под бабушкину шаль, в тепло...

Из корзинки старенькой я таскал
Разноцветные лоскуты
И хвост и шею Чало украшал,
Вёл в поля, где цвели цветы.

Чало выступал весьма щегольски,
Шевелил игриво хвостом,
Порою рычал, но не от тоски,
А в собачьем счастье простом.

Обходили мы дворы стороной,
Чтоб не встретить чужих собак,
Вечер падал синею пеленой,
Обступал поля полумрак...

2.

Чало был пёс мой, пёс сероглазый.
Чудесным другом был Чало.
Он падал навзничь, скакал, проказил...
Но судьба поступила зло.

Пропал он, пёс мой, в годину бегства.
Под копытами чьих коней?
Грустила осень над бедным детством.
У меня не стало друзей.

3.

Весёлой девушкой светлолицей
Была вторая моя любовь.
От волос её пахло корицей,
Золотились косы и бровь.

Стояла полночная тишина,
Когда мы с нею вошли в сад.
В лёгком сером платье была она,
Поспевал в саду виноград.

Под густыми лозами сели мы,
Шелестела вокруг трава,
На мои колени легла средь тьмы
Её милая голова.

О любовь, любовь моя! Ночь. Тепло.
Из туманных её зрачков

Вдруг, грустя, выглядывает Чало,
Говорит со мною без слов...

Тихо нежится виноград вокруг,
Чу... шуршание началось, —
Дождик капает... О пропавший друг,
Я тебя не забыл, Чало!

. . . . .

Лай твой плачущий я вспомнил сразу,
Из давних дней его донесло.
Чало был пёс мой, пёс сероглазый.
Чудесным другом был Чало.

~~~~~

Наири Зарьян (1900)

«Апрэм-чапрэм»¹

Передо мной букет в росе искристой
И в нём цветок, знакомый с детства всем:
Сияет сердцевинкой золотистой
Ромашка белая — «апрэм-чапрэм».

Простой цветок, ты всей своей природой
Особо близок сердцу моему:
Ты трогательно схож с моим народом,
И с давних пор ты по душе ему.

Ты, как и он, из рода терпеливых,
Привычен к зною в каменных горах,
И на скупых, суровых наших нивах
Растёшь ты, и на кровлях, и в лесах.

Ты цвёл, и зной и жажду презирая,
Сухую землю украшал собой,
Всё выносил в полях родного края
И сердце открывал грозе любой.

Истерзанный, но непоколебимый,
Свой венчик не склонял ты ни пред чем,
Цветок моей Армении любимой,
Мой незатейливый «апрэм-чапрэм».

«Апрэм-чапрэм» — ромашка-наирянка!
Раздумывая о своей судьбе,
Тебя срывала смуглая горянка,
О будущем гадала по тебе

И, обрывая лепестки, шептала,
Порой вздыхая тяжко: «Жить — не жить?»
И ей всегда спокойно отвечала
Последним лепестком ромашка: «Жить!»

Простой цветок, ты всей своей природой
Особо близок сердцу моему:
Ты трогательно схож с моим народом,
И до сих пор ты по душе ему.

---

¹ Буквальный перевод: «Жить или не жить».

* * *

Не знал я детства беззаботных дней
И молодости лёгкой, без печали.
Над буйным вязом юности моей
Шумели бури, ствол его качали.

И те цветы, которым бы цвести
Под мягким солнцем юношеских вёсен,
Цветут теперь, в мой полдень, на пути
В пылающую урожаем осень.

Не оттого ли и душа моя
Неистова, как шумный ливень вешний?
Не оттого ль так беспокоен я?
В моей душе весна и утро вечны.

* * *

Ты сама загрустишь, заскучаешь,
Если я на дороге твоей
Тёмным вязом не встану, качаясь,
Там, где плачет осенний ручей.

Голос мой, словно звон отдалённый,
Словно оклик с озёрного дна,
Ты услышишь и вздрогнешь смущённо
В час, как из дому выйдешь одна.

Но меня не найдёшь ты. С друзьями
Вашей улицей я не пройду.
Ты вернёшься с пустыми руками,
Даже слёзы оставив в саду.

Отчий дом

Я в сновиденье памятью ночью
Воссоздавал далёкий отчий дом.
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сиянье молодом.

Со мною мать сидела, как бывало,
Мне по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним лёгким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским оком.
Весь мир огромный был, как отчий дом

Вагаршак Норенц (1903)

Четверостишия

* * *

Его уж нет, но жив прославленный им век,
Осталась мысль его, бессмертная навек.
Она ведёт людей, историю творит.
Идёт его путём доныне человек.

* * *

Рукою мастера коснулся камня он,
Руки уж нет, но след навек запечатлён.
Всё изменяется, стареет в мире всё,
Но вечно юн, кто жил для будущих времён.

* * *

В любом веселье — грусть, в любой красе — изъян,
И горя не убьёт вина хмельной дурман.
Лишь пламя творчества уничтожает скорбь,
И чистый тот огонь лишь человеку дан.

* * *

Мгновеньем названа молвой людскою жизнь,
Но полноводною течёт рекою жизнь —
В ней радость и печаль, сны, подвиги и труд.
Миг, равный вечности, — вот что такое жизнь!

Маштоцу

Я обращаю в глубину веков
Наследника признательного взгляд.
Несчастен прошлым, счастлив настоящим,
Я слышу дальних предков скорбный зов,
Я внемлю голосам, во мне звучащим:
Частица древней тайны и во мне
Обломком сфинкса, пыль веков хранящим,
Таится где-то в сердца глубине.

Всё одолела духа высота,
Недостижимая для хищных птиц!
Не сокрушили нашей твёрдой воли
Ни вражьего оружия острота,
Ни боль, ни смерть, ни тяготы неволи,
Ни голод, ни наплыв незрячей тьмы.
Борьба, борьба во имя лучшей доли —
Так жили мы...

Сегодня я, народ мой возрождённый,
Стал фениксом воскресшим. Я — твой сын.
Певец твой незаметный, ныне стал
Свидетелем мечты осуществлённой, —
Твой гордый дух победу одержал,
И я — наследник прошлого — сегодня
В иную веру без креста крещёный,
Стократ счастливей и стократ свободней,
Вам, славным предкам, гимн любви пою,
Вам благодарность приношу свою!

Не вы ли нашу волю закалили
Жизнелюбивой силою своей,
Противопоставляя злобе Слово,
Противопоставляя жизнь могиле!
Вы наши души мудро и сурово
Вскопали — борозду за бороздой —
И семена добра в них заронили.
Живущих издавна высокою мечтой
Быть человеческими вы научили.

Учитель первый наш, мудрец армянский,
Сквозь долготу шестнадцати веков
Наследника далёкого услышь!
Наш чудотворец, скромный сын крестьянский,
Ты в море жизни, среди бурь, ветров,
Как смелый кормчий, якорь укрепил,
Соединил разбросанных в пространстве,
Армянскому народу придал сил.

Давно ты в Ошакане стал землёй,
Но как в травинке жаркий луч таится —
В любом армянском сердце пламень твой,
Твоей души священная частица.
Услышь сквозь даль шестнадцати веков
Как ты любим потомками твоими,
Прими любовь Армении сынов.
Месроп Маштоц, твоё бессмертно имя!

~~~~~

Гегам Сарьян (1902)

* * *

Вновь пришёл домой я с далёких гор,
Я вверху блуждал, и в ущельях скал
Слушал диких вод со скалою спор
И потоки вброд я пересекал.
Птичьи голоса слушал я в лесах,
Шелестом листвы лес ласкал меня,
И ковёр травы в золотых цветах
Расстилался вокруг, отдохнуть маня.
Шли навстречу мне, словно волны вод,
Зрелые поля, колос шевеля.
И смотрел с высот старый небосвод
На вершины гор, на тебя, земля.
Таяла вверху облаков гряда.
Шёл я мимо сёл; в дымке голубой
Видел города, слушал гул труда.
Всё, что видел я, — всё принёс с собой.
Всё, что мне в пути было кинуть жаль:
Горы и откос, травы — в каплях рос,
Радость и печаль, виденную даль —
Всё, придя домой, я с собой принёс.

* * *

Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет,
Зажжёшь ты лампу — мрака нет.
Я — человек, и не секрет,
Что мне нужны огонь и свет.

Но сходство можно всё ж найти, —
Горю, как спичка, я почти:
Боюсь сгореть на полпути
И огонька не донести...

Миндальное дерево

Моим забавам у реки
Рукоплескало ты ветвями.
И разлетались лепестки
Кружащимися мотыльками.

Теперь стоишь недвижно ты,
Грустишь, моим речам не внемля.
И нежные твои цветы,
Как слёзы, падают на землю.

Дэлфрош и Эл-Нури

Баллада

Погожий вечер был хорош.
Остановился Эл-Нури
Перед окном своей Дэлфрош
И так взмолился Эл-Нури:

— Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Кинь на прохожего свой взгляд, —
Ты в сердце горестном найдёшь
Опустошённый бурей сад.

Трава повяла,
Засохли лозы,
Любовь украла
И сон и слёзы.

О, выгляни в окно, Дэлфрош,
Не выглянешь — меня убьёшь.

Глядит Дэлфрош на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Ах, в сердце нож у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

— Ступай, прохожий,
Своей дорогой.
Лицом пригожий —
Меня не трогай.

Твоя хвала мне, что хула, —
Мне люб охотник Рухулла.

Не стой напрасно
Здесь, у порога.
Ступай, несчастный,
Своей дорогой.

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.

Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

— Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Пусть бог отнимет жизнь мою,
Тому, с кем счастье ты найдёшь,
Свои надежды отдаю.

Да будет счастлив
Тобой любимый,
От всех напастей
Судьбой хранимый.

Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Поддай мне сожаленья грош!

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Печален вид у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

— Ты лжёшь, прохожий,
При каждой встрече.
На что похожи
Такие речи?

Не лицемерь же, Эл-Нури,
И о любви не говори.

Любя — ревнуют,
Не уступая.
Не так тоскует
Любовь слепая.

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.
Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

— Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Давно я чашу скорби пью,
Поверь, любовь моя не ложь, —
Знай, я соперника убью.

Он тщетно хочет
Достигнуть цели,
За ним охочусь
Уж три недели...

Взгляни ж, голубка, на меня,
Лукавым взором взор пьяня!

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Огнём горит взор Эл-Нури),
И говорит ему она:

— Уйди, убийца,
Тебе не верю.
Любви ль добиться
Такому зверю.

Свои желанья усмири,
Уйди, недобрый Эл-Нури.

Коль Рухуллу ты
Убьёшь, прохожий,

Знай, ни минуты
Не жить мне тоже.

Печалью с чёрной тучей схож
Вновь удалился Эл-Нури.
И через семь недель Дэлфрош
Во сне явился Эл-Нури.

— Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Тебя зовёт мой призрак вновь.
Я так любил тебя. И что ж,
Что сделала со мной любовь?

Что мне осталось
На этом свете?
Людская жалость...
Скала и ветер...

С горы отвесной
Упав на камни,
Лежу я... Песней
Шумит река мне.

Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Верни мне радость дня, Дэлфрош

И облаком в ночную тьму
Он уплывал, печален, нем...
И крикнула Дэлфрош ему:
— Зачем, о юноша, зачем

Погиб ты от своей любви?
Как хороши твои черты,
Живи в душе моей, живи,
Бессмертным стань отныне ты.

Я так хотела
Мечтой безгрешной
Души — не тела,
Любви нездешней!

Любовь земная
Так быстротечна.
В мечтах иная
Сияет вечно!

Ты жил любовью, Эл-Нури.
Нетленен свет её зари.

Но, как падучая звезда,
Вдаль устремился Эл-Нури...
И никогда уж, никогда
Не возвратился Эл-Нури.

Корабль смерти¹

Чёрное море бурлило у берегов.
Тихой дремотой забылся старый Стамбул.
На минареты ложилась тень облаков.
Тоненький луч на далёкой мачте блеснул.

Грозен был тот молчаливый, сумрачный час,
Мрачный корабль на закате в море стоял.
Тоненький луч на высокой мачте погас.
Чёрной Голгофой казался людям причал.

Мнилось гробницей таинственное судно.
Плакал народ на исходе скорбного дня:
Больше увидеть пленённых не суждено,
Так по покойнику плачет его родня.

Это они — на зловещем том корабле,
Это они — мастера златострунных лир!
Звёзды Армении гаснут ныне во мгле,
Их голосов не услышит более мир.

Лобное место готово в тьме глубины,
О, как бледны они — двести братьев армян!
Взгляды врагов на них злобно обращены,
Словно уж занесли они свой ятаган.

Вот Варужан задумчиво стал у кормы,
Сиаманто с небосклона не сводит глаз.
Думой какую под сводом предсмертной тьмы
Был озарён незабвенный наш Комитас?

Песен каких зазвенели в сердце лады,
Тех ли, что пахари пели в поле родном?
Вспомнил ли он Арагаца склон и сады,
Голос Севана узнал ли в шуме морском?

Может быть, вспомнил он, слёзы тоски тая,
Милой своей Армении скорбный народ,
Столько веков вкушающий боль бытия,
Может быть, стон услышал он в ропоте вод?

Может быть... Только раздался резкий гудок.
Где же вы, горы, Севан и струи Зангу?
Много сказал бы взор пленённых, если бы мог,
Братьям, стоящим толпою на берегу.

К лобному месту везли их всех — на убой.
Небо уныло молчало. Вечер молчал.

---

¹ Во время первой мировой войны турецкими оккупантами были арестованы и увезены на «корабле смерти» многие учёные и писатели Армении; среди них находились поэты Варужан, Сиаманто и композитор Комитас.

Словно огромное сердце, бился прибор,
Ветер предсмертною дрожью снасти качал.

К лобному месту везли их всех — на убой!
И у кормы в молчаньи стоял Варужан.
Сиаманто всё глядел на свод голубой,
А Комитас был недвижим, словно платан.

Словно колонна, стоял он. Как мрамор, бел.
Ветер играл волосами и бородой.
Бледные губы раскрыл он и вдруг — запел.
Пел он армянской обедни напев родной.

Пел он и плакал, и слёзы, как песнь, текли;
Пел он и плакал, и верил, как в детстве, встарь.
Пел он, душой летя к далям родной земли,
Струн повелитель и песен армянских царь.

Пел он, и с морем сливалась песня его.
Дрогнуло сердце народа, и повторял
Берег молитву печали, и никого
Не было, кто бы не плакал, не тосковал.

Тронулся скорбный корабль и в море ушёл,
Путь свой чудовищный правя сквозь ветра гнев,
Но ещё слышали люди голос, что вёл
Старой армянской обедни родной напев.

Мрачной плавучей гробницы призрак исчез,
С брызгами ветер донёс лишь дальний мотив,
Плакал народ под покровом хмурых небес,
Скорбно поникнув, как ветви плачущих ив.

А полумесяц холодный встал над землёй
С хитрой усмешкой плясуньи — жалкой рабы
Кайзера, злого Вильгельма, чьею петлёй
Были загублены люди славной судьбы.

Ованес Шираз
(1914)

Мать

Маленькая, кроткая моя,
Просто — мать, каких не счесть на свете.
Не сравню родную с солнцем я, —
Тихим огоньком она мне светит.

Но когда внезапно на лету
Горе тучей солнце заслоняет —
Наступающую темноту
Огонёк чуть видный разгоняет.

Маленькая, кроткая моя.
Просто — мать, каких не счесть на свете.
С горстку солнца вся-то жизнь твоя,
А душе и днём и ночью светит.

* * *

Когда любил я милую мою,
Душа была, как лепестки цветов.
Теперь я сам себя не узнаю, —
Стал без любви и груб я и суров.

Любите ж, люди, чтобы стать нежней,
Чтоб мир украсить добротой своей!

* * *

Проходит молодость моя,
Сорвав ещё не все цветы,
Изжив ещё не все мечты,
Ещё о девушках тоскуя,
Ещё желая поцелуя.
Не выпив чаши бытия,
Проходит молодость моя.

* * *

С берега Арпачая голос летит, звеня.
Мой отец огородник, верно, зовёт меня.

Нет, это только отзвук в струях реки живёт.
Умер отец, но вечен говор бегущих вод.

Где бы я ни скитался — слышу далёкий зов,
Как же могу покинуть отчий родимый кров?!

Пусть же не умолкает звонких струй бубенец.
Воды, как я, смеются, плачут — как мой отец.

* * *

Мне аромат цветка сказал:
«Вдыхай меня, ведь я уйду».
«Спеши, — плеск ручейка сказал, —
Пей из ручья, ведь я уйду».
Но я, вздохнув слегка, сказал:
«Не вы, друзья, а я уйду...»

~~~~~

Ашот Граши (1911)

Дорога детства

Мне часто видится во сне дорога детства моего:
Бежит в рассветной тишине дорога детства моего.
Котомка за моей спиной, в губах — свирель из тростника,
Пасу овец на крутизне. Дорога детства моего!

Любовно бабушка меня в путь снаряжала в те года,
Орехов горсть совала мне... Дорога детства моего!
Бывало, осенью летишь тропинкой мокрой босиком, —
Мечтает о весеннем дне дорога детства моего.

Кукушка в роще негустой считала дни: ку-ку, ку-ку,
Когда бежала в стороне дорога детства моего.
Дорога детства моего шумела бурною рекой,
Хранила камешки на дне дорога детства моего.

Напевы дудочки моей прохладный ветер разносил,
Шуршала дубом по весне дорога детства моего.
Колосья давних детских дум упали с воза на ходу
И на твоей лежат стерне, дорога детства моего!

* * *

Два огненных цветка нагорий —
Её лучистые глаза.
Посмотришь в них — и тает горе,
Обходит стороной гроза.

И ужас грудь сдавил тисками
При мысли, что настанет час —
И превратится в пепел пламя
Дарящих вдохновенье глаз.

Горсть земли

Когда Шопен отчизну покидал,
Друзья ему любовно поднесли
В старинном кубке горсть родной земли,
Чтоб милый дар его сопровождал.

В неизъяснимой грусти дни текли
Средь разных стран, холодных, чуждых зал;
Он свято кубок свой оберегал,
В нём видя край, оставленный вдали.

Гармонии задумчивый поэт,
Он пел печали благородной свет,
Высокую любовь в людских сердцах.

Когда он умер на земле чужой,
Той малой горсткою земли родной
Под хмурым небом был увенчан прах.

~~~~~

Гурген Борян (1915)

Деревья на улице Абовяна

Брожу ль в золотистых сумерках я,
Спешу ль, озабоченный, утром рано, —
Со мной разговаривают друзья —
Деревья по улице Абовяна.

Зелёные песни, знакомую речь
Я слышу сквозь бурю моих раздумий,
Хотят ли от грусти меня уберечь,
Звенит ли надежда в их чистом шуме?

Завесу прошедшего я отведу,
И детство вдруг выплывет из тумана, —
Вот здесь мы сажали, как будто в саду,
Деревья на улице Абовяна.

Мы все пионерами были тогда,
Мы шли из предместья, шли из деревни,
Немало вложили мы чувств и труда
В зелёную поросль — в эти деревья.

А после как часто по мостовой
Бродил я влюблённым, с думою жаркой,
Под этой сплошной тенистой листвою,
Что стала любви триумфальной аркой.

Когда уходил я далёко от вас, —
Под громом военного урагана
Я думал: как грустно шумят сейчас
Деревья на улице Абовяна!

Я с поля сраженья победу принёс,
Я видел отчизну в боях непрестанно.
Зелёным костром меня грели в мороз
Деревья на улице Абовяна.

И снова я дома — солдат и певец,
Вот дочка моя, смугла и румяна.
Как рады мы оба — и дочь и отец —
Деревьям на улице Абовяна.

Настанет пора поколениям иным
Шагать по земле, где брели караваны.
И новой листвою шуршать будут им
Деревья на улице Абовяна.

О, если б смогла моя песнь доплыть
До берега будущих дней, не увянув!
Я сердце вложил в эту землю, чтоб жить
Деревьям на улице Абовяна.

Мать

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

Лежу в промозгом блиндаже. В углу
Фонарик спорит с темнотой.
Закрыв глаза, плыву в сырую мглу.
Не спится. Прочь бежит покой.

И мнится мне, что вся земля сейчас
В оцепененьи забытья,
Нет никого, кто не смыкал бы глаз,
Кого окликнуть мог бы я.

Но всё же есть, есть на родной земле,
Кто в эту ночь не может спать,
Кто ждёт меня в тяжёлой этой мгле, —
Ты ждёшь меня, тоскуя, мать!

Норк

Не в Норке¹ ли оставил детство я,
Первоначальный мир моей души?
Норк — утро жизни. Радость бытия
Впервые я узнал в его тиши.

Покинутое детство всё зовёт,
Зовёт меня, рукою машет мне.
Двойник мой там и до сих пор живёт,
Мальчишкою бродя по крутизне.

Сегодня в Норке вновь зелёный шум,
А детство безвозвратно отошло,
Но с берега суровых взрослых дум
Я всё ещё зову его тепло.

Деревья в Норке шелестят, шуршат,
Сияет солнце, ветви золотя,
И снится мне наш старый скромный сад,
И мнится мне, что снова я дитя.

Нигде мне детства больше не найти...
Ты только память, только милый сон,

---

¹ Район Еревана.

Далёкий мой, свет долгого пути,
Зелёный Норк, залитый солнцем склон.

Весенний гром

Что ж ты молчишь, весенний гром,
Скрываясь за свинцовой тучей?
Что в сердце яростном твоём,
Не ревностью ль ты болен жгучей?
Печалью неба полон ты,
Любовью ли к земле прекрасной?
Зачем же с тёмной высоты
Не грянешь ты грозою властной?
Зачем так хмуро ты молчишь?
Разбей предгрозовую тишь!

Скорее загреми, скорей!
Плачь, если грому плакать должно.
Не хмурь угрюмых туч-бровей,
Не мучь нас тишиною ложной...

Спешి, весенний гром, спеши, —
Ты схож со мной огнём души.

Сильва Капутикян (1919)

Наш пантеон

Наш пантеон не пышен, не просторен:
Всего лишь несколько простых могил.
О мой народ, богатый смертью, горем,
Где ж ты других великих схоронил?

Веками в горьких думах об отчизне
Они трудились от неё вдали,
Родного крова не нашли при жизни,
По смерти не нашли родной земли.

Теперь на старых кладбищах чужбины
Покоятся они меж трав и мхов,
Одни — под небом дальней Аргентины,
Другие — возле Сены берегов.

А сколько их под острым ятаганом
В немой пустыне обрело конец!
Могилы их — сухой песок с бурьяном
Да боль живущих, раны их сердец.

Наш пантеон... В безмолвии, в забвеньи
Разбросан он по всем краям чужим.
Лишь слёзы, слёзы и благословеньи
Наш дар могилам дальним дорогим!

Русскому другу

Марии Петровых

Высокая дружба подмены не хочет,
Не нужно ей фальши и лести ничьей.
Бывает, что чистые чувства порочат
Потоком неискренних, праздных речей.

Словами, подобными липкому тесту,
Спешат доказать, что, мол, слаб ты и мал,
И к месту подчёркивают и не к месту,
Что жизнь и дыхание кто-то нам дал...

Мне попросту хочется снова сегодня
С тобою, сестра моя, поговорить.
Как быть, чтоб слова зазвучали свободней,
Чтоб с праздными их не посмели сравнить?!

В Звартноце мы встретились. Что-то большое
Светилось во влажных глазах, в глубине.
Ты — тоненькая — мне казалась свечою,
Сгорающею на своём же огне.

И мы подружались. И стала ты другом
Заветной, как памятка, древней страны,
Коснулась ты с благоговейным испугом
Души её, словно письмён старины.

И ты увидала: как в глуби колодца
Бездонное горе — наш давний удел,
И то, как, поднявшись из праха Звартноца,
Орёл на колонны из туфа взлетел.

Как я, ты гордишься красой наших песен,
Без скидки осудишь любой наш порок.
Нет, не покровителем — другом, без спеси
Ты переступила наш новый порог!

Сестрой ты бываешь мне в грусти и горе,
Защитником-братом в опасности час.
Когда ошибаюсь, взволнованно споря,
Меня поправляешь любя, горячась.

Когда обижаюсь на мир, на тебя я,
Прощаешь ты мне охлажденье моё,
Смеёшься, когда, чувство меры теряя,
Без удержу славлю я только своё.

И пусть друг от друга живём далеко мы, —
Я знаю, что в снежной Москве для меня
Открыты всегда двери тёплого дома,
Что есть у тревожного сердца родня.

Мне кажется, предки, в тоске о свободе,
Искали такого тепла и добра:
Когда говорили о русском народе —
Они о тебе говорили, сестра!

* * *

Наверное, меня поймёт лишь мать:
У материнских душ один язык.
Ступая тихо, чтоб не расплескать,
Стакан воды принёс мне Араик.

Благословен труд материнский мой!
Всю жажду долгих лет в короткий миг
Я утолила этою водой,
Которую принёс мне Араик...

На нём о тяжкой доле пел
Изгнанник вечный — армянин,
Язык наш песнею гремел
В дни испытующих годин.
Бывало, пела мать, грустя,
Мне колыбельную на нём,
Теперь к тебе, моё дитя,
Пришёл он, сквозь века, ручьём.
Журчи же, как весной родник,
Как птица, щебечи в садах,
Пусть станет древний наш язык
Ребёнком на твоих устах!
Храни его, да будет он
Так чист, как Арарат в снегах,
Храни его для всех времён
Как незабвенных предков прах.
Ты защищай его везде,
Как защитил бы мать свою,
Придя на помощь к ней в беде,
Сражаясь за неё в бою.
Не запятнай же чистоты,
Куда бы ты ни правил путь.
И если мать забудешь ты —
Армянской речи не забудь.

* * *

Не жалеюсь на сердце я:
Пускай щемит, болит сильней!
Чужая радость мне — своя,
Чужая боль своей больней.

Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру!
Лишь сердцем я всегда жила,
Пускай от сердца и умру...

* * *

Когда ты меня провожаешь домой,
Дорога пыльная наша
Мне кажется усталой тканью цветной,
Весеннего луга краше.

Длинные расстоянья на шаре земном,
Дорог бесконечных много...
Зачем же, зачем же так близок мой дом
И так коротка дорога?..

Маро Маркарян (1916)

* * *

Луч на камень лёг, пылая,
Радостно
Гореть ему.
Для кого лучом была я?
Радоваться мне чему?

Лаской зимнего рассвета
Разогнало
Ночи тьму.
Чьё же сердце мной согрето?
Радоваться мне чему?

* * *

Не иссякает песен родник,
И годы его не трогают.
Не умолкает сердца язык,
Невзгоды его не трогают.

Только ложится иней кругом,
Воздух мглистым становится.
То, что сверкало ярким огнём, —
Серебристым становится.

Лишь не седеют мои мечты,
Спорят с зимою белою.
Люди мне скажут: глупая ты,
Что ж я с собой поделаю?

* * *

Слова «любовь» и «жизнь» — неразделимы.
Раз нет любви — нет и меня самой.
Мне нужно знать, что я людьми любима,
Ещё нужней — любить их всей душой.

Я не держу своей любви в секрете,
Я не стыжусь душевного огня.
Мне б только знать, что где-нибудь на свете
Хоть огонёк остался от меня.

Пшатени

Пшатени — армянская олива,
Вся в янтарных маленьких плодах.
Листья серебристого отлива
Плещут у дороги и в садах.
Этот гибкий ствол и ветви эти
Унести бы в дальние края,
Чтоб везде, на всём на белом свете
Принялась ты, скромница моя.
Чтоб другие страны увидали,
Чтобы стала для других людей
Тем, что для меня ты с детства стала, —
Образом Армении моей,
Мужественной и трудолюбивой,
Чтобы людям рассказала ты,
Как живут в стране моей счастливой,
Где и на камнях цветут цветы,
Где порою ветка небольшая
Дарит нам обилие плодов, —
Всё бы рассказала ты без слов,
Край далёкий скромно украшая.
Пшатени — армянская олива,
Вся в янтарных маленьких плодах,
Листья серебристого отлива
Плещут у дороги и в садах.
Никакой язык не в состоянии
Самым точным словом передать
Милое твоё очарованье,
Щедрое, горячее дыханье,
Серебристой тени благодать.

Амо Сагиян
(1914)

Армения в песнях

Деревцо запылённое,
Изнурённые лозы,
Норка склоны зелёные
Да изгнанников слёзы —
Скорбь о чахлом баштане
Над рекой неширокой,
Раны долгих скитаний,
И журавль одинокий;
Сирой ласточки пение,
Пепел в сёлах пустынных, —
Вот такая Армения
В наших песнях старинных.

Тополя придорожные
Над кремнистою сушью,
Тёмной ночью тревожные
Крики, вопли пастушьи.
Громко жалуясь, пенятся
Водопады со звоном.
Жернов брошенной мельницы...
В поле опустошённом
Горсть семян. Оскудение.
Плач в горах и долинах, —
Вот такая Армения
В наших песнях старинных.

Песни странствий унылые,
Песни пахарей в поле,
И напевы, где милые
Кличут милых в неволе.
В песнях праздника, бедствия
И пиры, и походы,
И паломников шествия,
И святыни народа.
Дым родного селения
На закатах карминных, —
Вот такая Армения
В наших песнях старинных.

Свитки с буквами стёртыми,
Щит, израненный в войнах
С азиатскими ордами;

Стены храмов спокойных.
Смелый всадник, нежданно
Рать врага обуздавший,
Меч героя Вардана,
Фрик, на бога восставший.
И Давида явление
На сасунских вершинах, —
Вот какая Армения
В наших песнях старинных.

...Обнимает страна моя,
Прислонясь к Арагацу,
Всю долину, ту самую,
Что зовут Араратской.
Видит счастье народов,
Города и деревни,
Видит пламя заводов, —
В нём огонь её древний.
В славе держит равнение
На друзей благородных, —
Вот какая Армения
В новых песнях народных.
Не царевной разбуженной
Наша родина встала —
Эти руки натружены:
В муках свет добывала.
Но стоит она царственно,
Сохраняет свой облик,
Герб её государственный
Светом солнечным облит.
Входит с собственным мнением
В строй народов свободных, —
Вот какая Армения
В новых песнях народных.

Всех оделит подарками,
Реки в свет превращает,
Мысли делает яркими;
Сладкий мёд выжимает
Из невидной колючки,
А из камня — пшеницу.
Пусть на небе ни тучки —
Лозам есть где напиток.
Плещут рощи весенние
И на скалах безводных, —
Вот какая Армения
В новых песнях народных.

Мысль учёных, парящая
В межпланетном пространстве,

Жажда жизнь настоящую
Видеть в новом убранстве.
Под бронёй неоторной
Дружбы, братства и славы
Край — бессменный дозорный
Величайшей державы.
Знал он бури, сражения,
Трудность будней походных, —
Вот такая Армения
В новых песнях народных.

Так, увенчана славою
Дней и старых и новых,
Мудрая, величавая,
В лаврах, в розах пунцовых,
Наша родина ныне,
Нашей собственной властью
Подступает к вершине
Всенародного счастья.
Вот такую Армению
Будут славить поэты
В песнях, полных волнения,
Что ещё не пропеты.

Подарки

На берегу Воротана девушка, напевая,
Шьёт платки, вышивая подарок мне.
На уголках золотая нитка и огневая,
Якорь нашит у края, — в подарок мне.

На берегу Воротана женщина дни и ночи
Вяжет носки, вздыхая, — в подарок мне.
Волосы белы, как север, юг пылающий — очи,
Думы, что птичья стая, душа в огне.

На берегу Воротана шьёт старик полушубок,
Тёплый мех подбирая, — в подарок мне.
Дай ему бог здоровья, работает так, что любо,
Ласкою согревая нас на войне.

На берегу Воротана мельник, старик почтенный,
Мелет муку, ссыпая, — в подарок мне.
Добрый сосед садовник много плодов отменных
Снял с ветвей, отбирая, — в подарок мне.

На берегу Воротана колет пастух ягнёнка,
Шлёт, бойца вспоминая, подарок мне.
Туча на небе осеннем, ветер за ней вдогонку,
С вами я отсылаю привет родне!

На берегу Воротана в кузнице славный мастер
Ловко куёт подковы для моего коня,
Работает до заката — ведро или ненастье,
И стремена готовы для моего коня.

Он на Дону, на Волге сам воевал недаром,
Свет и мир добывая своей стране.
На берегу Воротана трудится с юным жаром,
Молнию-меч закаляя в подарок мне!

Все вы мои родные, близкие и соседи
Шлёте, не забывая, подарки мне.
Издали помогая славной нашей победе,
Трудитесь неустанно, забыв о сне,
На берегу Воротана, моего Воротана.

Чужая весна

Пришлось мне встретить дни весенние
В горах, в долинах незнакомых,
Далёко от моей Армении.

Вокруг — весёлое цветение
Весенних рощ, садов и пастбищ,
Как и весной в моей Армении.

У птиц такое ж оперение,
И песни так же задушевные,
Как и в горах моей Армении.

Ручьёв серебряное пение...
Вода журчит и убегает,
Как родники в моей Армении.

Похоже всё. Но тем не менее
Я весь, как пламенем, охвачен
Тоскою по весне Армении.

Орвел

Песня пахаря

Детство моё давно пролетело,
Стала совсем иною душа,
Но лишь слышу звук оровела,
Вновь превращаюсь я в малыша.

Песня любимая сердце грела,
В ней вдохновение черпал я,
Но ничего милей оровела
Мне не дарила земля моя.

Песни слагал я — пусть неумело —
Жил со своей судьбою в ладу,
Но задушевнее оревела
Песни вовеки я не найду.

Слаблю родимой земли пределы,
И умереть за них — не беда!
Только бы вам звучать, оревелы,
Вам, оревелы, звучать всегда.

Геворк Эмин (1919)

Я из той страны

Я из той страны, в которой камень
В изобилии лежал веками.
Те ж, что камень в скалах высекали,
В глиняных лачугах прозябали.

Я из той страны, где век за веком
Тесно было бурным горным рекам,
Где мутнели воды от безделья,
А теперь в труде помолодели.

Я из той страны, где хлеб веками
Пожирало злых пожаров пламя,
Или шёл врагу он на потребу...
А теперь народ — хозяин хлеба.

Я из той страны, где средь ущелий
Раздавался только плач свирелей,
А теперь в горах её суровых
Грохот фабрик и заводов новых.

Я из той страны, где мудрость века
Превращалась в слово человека —
В рукопись. Но долгие шли годы,
Прежде чем прочли её народы.

Я из той страны, чьи песни смело
Вышли за высоких гор пределы,
Чтоб сказать о давних днях страданья
И о новом счастье созидания.

Другу архитектору

Ты очень любишь древние творенья,
Я тоже дань былому отдаю,
Когда-то в нём искал я вдохновенья,
Теперь давно уж о другом пою.

Не замечаешь ты того, что ново,
Любуешься мощами да быльём,
А я горжусь, что на камнях бывшего
Мы памятники наши создаём.

Когда бы предки в давние столетья
Любили старину, как ты сейчас, —

Кто создавал бы памятники эти,
С которых ты теперь не сводишь глаз?

Песня о журавле

Ты, улетаая, на крыльях нёс
Пепел Армении.
Были полны глаза твои слёз
В годы гонения.

Тихо курлыкал ты: «Не вернусь
В доли зелёные,
Там только смерть, стенанья да грусть,
Кровли спалённые».

Где ж от армянской кручины, где
Спрятаться, странствуя?
Видел на суше ты, на воде
Долю армянскую.

Слышал ты кинувших край родной
Сирых изгнанников,
Слышал призывы: «Домой! Домой!»,
Жалобы странников.

Всюду гнездо твоё, бедный друг,
Было разрушено.
Не обласкало нигде твой слух
Слово радушное!

Вот и решил ты, серый журавль:
«Смерть неминуема,
Лучше умру средь родимых трав,
Ветром волнуемых».

А возвратившись, увидел ты
Чудо нежданное:
Камень сухой покрыли цветы,
Розы багряные.

Вот за Араксом сам Арарат
С царственной завистью
Хочет шагнуть в наш цветущий сад
С новою завязью.

Вьётся дымок. А ветви полны
Птичьими гнёздами,
Тонкие лозы отягчены
Спелыми гроздьями.

Друг, ты на крыльях сюда принёс
Пепел отчаянья,

Влагу скитальческих дальних слёз,
Давние чаянья...

О, отнеси ты с армянских нив
Золото колоса!
О, перебрось им родной призыв
Братского голоса!

Ты у Аракса воды спроси,
В небе — сияния,
Горстку родной земли отнеси
В земли скитания.

Друг! Улетай и вновь возвратись
С нашими братьями.
Встретит вас горная наша высь
Лаской, объятьями.

Больше не станут звать журавля
Бедным изгнанником,
Примет, любя, родная земля
Жажущих странников.

Ива

Говорила мне бабка не раз
Что бесплодна плакучая ива,
Нужен даже терновник подчас,
А она — лишь грустит сиротливо,
Никому на земле не нужна.
Ну, а речки журчащей стремнина,
Чьею тенью укрыта она?
А плетёные эти корзины
В погребах для плодов и вина?
А откуда свирель пастуха? —
Всё от ивы.

А ива, бывало,
Одинока, скромна и тиха,
Горевала, что сделала мало.
А по смерти упавшим стволом
Берега она соединила —
Протянулась над речкой мостом.
Бабка иву напрасно бранила.
И сказать мне всю правду пора:
Если б те, что болтают хвастливо,
Людям делали столько добра,
Сколько сделала скромная ива!

* * *

Ты бы в гости ко мне пришла,
Да в дому темно у меня,
Горе песней бы прогнала, —
Прижилось оно у меня.

Вьётся горлица в тишине
Над оконницей у меня.
Я б увидел тебя во сне,
Да бессонница у меня.

Скрипка

Всё то, что, наверно, до смерти
Таил бы я в сердце молчком,
Вчера я услышал в концерте
От скрипки под лёгким смычком.

Услышал и то, что так зыбко
В твоей трепетало крови...
Откуда ж вчерашняя скрипка
Узнала о нашей любви?..

~~~~~

Рачия Ованесян (1920)

Из цикла «Чудесный садовник»

* * *

Глаза мои раскрылись под черешней,
Зелёным было небо надо мной,
Не одеялом, а листвою вешней
Я был укрыт той первою весной.

Потом черешня в колыбель роняла
Плоды, как слёзы свечки восковой.
Мой старый дед учил меня, бывало,
Поддерживать очаг заветный свой.

В земле мой дед, сам, как земля, безгрешен,
А деревца по-старому шумят,
Черешня стала сотнею черешен,
И прибраны, как прежде, дом и сад.

Шумит мой сад, дождями освежённый,
Раскинулся под горным солнцем он...
До смерти с ним не буду разлучён я,
А он с родной землёй не разлучён.

* * *

Оставил я милый мой сад вдалеке,
На листьях — тумана осеннего слёзы,
Волнуются струи в моём роднике,
Зовут меня гибкие ветви и лозы.

Растущий у старой давальни инжир
И пшат серебристый скучают в разлуке,
Печально глядят на зелёный свой мир
И всё вспоминают хозяйские руки.

Соседи садовники, нет ли кого,
Кто стал бы ходить за оставленным садом,
Моими руками лелеять его,
Следить за плодами заботливым взглядом!

Чтоб сад стал нарядной невестой у вас
И яблоки падали под ноги мне бы,
Чтоб мог я, вернувшись, сказать: в добрый час —
Отведаем вместе вина мы и хлеба.

* * *

Вишня буйно цветёт над арыком,
Синь сквозь ветки видна еле-еле,
Сумасшедшие ласточки с криком
Прямо к солнцу стремглав полетели.

А на грядке, меж трав полусонных,
В жёлтом венчике, неторопливо
Поворачивается подсолнух,
К солнцу взгляд устремив горделиво.

Помнишь день? Я старался вглядеться
В даль, что там, за калиткой, тянулась,
Вот когда от меня моё детство,
Как подсолнух, навек отвернулось.

Сад мой, вновь я пришёл издалёка,
Звал меня ты кустами, травую,
Верно, корни пустил ты глубоко,
И не в землю, а в сердце живое.

* * *

Озябла в саду сирень
Под проливным дождём,
Но пусть он звенит весь день
Светлых слёз серебром.

Так любит сирень моя
Радостных слёз поток,
Омоет его струя
Почки, любой листок...

А сменится дождь-гроза
Радугой в небесах —
Сиреневые глаза
Вспыхнут на всех ветвях.

Как после слёз у людей, —
Грусть отступает в тень.
Цвет первой любви моей,
Грозди твои, сирень!

* * *

Пусть не достанется мне ровно ничего —
Ни золотых плодов, ни цветников, ни славы,
Пришла бы только ты в рай сада моего —
И брошу под ноги тебе цветы и травы.

О, только бы легла на изгородь рука,
Коснулась бы нога сырой дорожки сада!
А если не придёшь — свети издалека,
Как солнце ясное, — мне большего не надо.

Нет, круглый год в саду желанной гостьей будь,
Приди, останься здесь! Как вынести разлуку!
На изгородь, ах, нет, — не лучше ли на грудь
Любовно положи доверчивую руку.

На веточку любви я сад бы обменял.
Но если сад мой мал, приди к садовой дверце,
Возьми хоть сердце в дар, жить без него б я стал...
Но бойся, милая: плох человек без сердца!

* * *

Стою в дверях давилни,
Хоть поздно — не уснуть...
На небе лунно-пыльный
Мерцает Млечный Путь.

Я вспомнил дней лавину,
Былого свет и муть,
Уж я наполовину
Прошёл свой Млечный Путь.

Живут не бесконечно, —
Умру когда-нибудь,
Но в небе будет вечно
Тянуться Млечный Путь.

Курю. Молчу, решая,
В чём жизни, смерти суть...
Летит земля большая,
Мерцает Млечный Путь.

* * *

Где бы я ни бродил, чей бы сад
Ни манил меня чудо-цветами —
Серебристое дерево пшат
Всюду перед моими глазами.

Словно рой золотистых жучков,
На ветвях его ягоды блещут,
По нему узнавал я свой кров, —
Глянешь издали — сердце трепещет.

Я в тени его детство провёл,
Годы юности слишком короткой,
И внимали и ветви и ствол
Вздыху первой любви моей кроткой.

Умирая, родным я велю
Положить меня около пшата, —
Пусть покажется всем, что я сплю,
Опьянев от его аромата.

Сагател Арутюнян

(1921)

Победа

Я видел тебя:

Ты спускалась в окопы на фронте,
Мерцала зарёй
На далёком ночном горизонте,
Ты пушки жерло закрывала, ружейные дула,
Меня настигавший осколок рукой отшвырнула,
И гневное пламя, что сердце моё охватило,
Дыханьем своим погасила.

Я видел тебя:

То греющим составом была ты,
Когда возвращались домой боевые солдаты,
То вместе со мною входила в мой город зелёный,
И был за плечом твоим ранец, в пути запылённый.
Бежала ты матерью старой солдату навстречу,
В счастливых слезах обнимала сыновние плечи.
Ты девушкой робкой стояла на шумном вокзале,
Когда нас встречали.

Я видел тебя:

Ты раскрыла нам двери заводов,
Была нашим мужеством,
Кровью
И дружбой народов.
И в бронзу тебя воплотила рука человека,
Как памятник нашему грозному, мудрому веку.
Но что для тебя неподвижный гранит пьедестала?!
Трудом пятилеток,
Строительством нашим ты стала.

Я видел тебя

И за тех, кто тебя не увидел.
Я знаю: за это они на меня не в обиде.
Они умирали за то, чтоб мы счастливы были,
Чтоб ты к нам пришла в торжествующей
Славе и силе.
И вот ты пришла,
И придёшь к нам не раз
Урожаем,
Цветами, садами, что нынче мы всюду сажаем,
Войдешь ты в дома, встанешь ты на дорогах, на тропах
Недаром я видел тебя
Ещё в зимних окопах!

Берёза

В Германии далёкой
Есть белая берёза
Со сломанной рукою
И ранюю глубокой.
Вся изойдя тоскою,
Стоит, глотая слёзы,
Немецкая берёза.

В сторонке от дороги
Стоит в жару, в морозы,
Стоит она и вянет.
Куда в немой тревоге
Сухие ветви тянет?
Кто посадил берёзу,
Кудрявую берёзу?

Немецкий ли крестьянин,
Еврей ли старый, мудрый,
Поляк-батрак ли местный?
Но был бы насмерть ранен
Я, армянин безвестный,
Коль не было б в то утро
Её —зеленокудрой.

С плеча берёзы этой,
Берёзы невысокой,
Разил я в правой битве
Врагов свободы светлой,
И был от них укрыт я
Берёзой одинокой
В Германии далёкой.

Цветы

В мастерской М. Сарьяна

Стоят на низком столике цветы
Пунцовые и жёлтые и синие.
А на холсте какие-то черты,
Неясные ещё мазки и линии.

Смотрю я на цветы не посмотрюсь, —
Они безмолвно вянут, безответные,
И опускается на плечи грусть:
Так быстролётна жизнь их многоцветная!

На полотно взглянул я вновь тогда,
И если вдруг не вскрикнул в восхищении,
То оттого, что в мастерской всегда
Мой голос пропадает от смущения.

Смотрю — и закрываются глаза
От света, от цветов, что там колышутся,
Звучит в ушах Бетховена гроза,
И Комитас и Дебюсси мне слышатся.

И властвует бессмертье красоты
Над умиранья горькою обидою.

. . . . .

Почти увяли на столе цветы,
Но мне уж их не жаль.

Я им завидую.

Абрам Аликян (1928)

Забытый колокол

Старый колокол церкви забытой
Сильный ветер внезапно качнул.
И уныло и глухо звонит он,
Слив с лесами и водами гул.

Двери церкви раскрылись невольно,
Только верующих не видать,
И лишь ветер, вздохнув богомольно,
Стал по тёмному храму летать...

Над резными камнями с крестами
Плакал часто бедняк армянин,
Целовал их сухими губами
И к творцу обращался как сын:

— Помоги! Ты всемогущ и светел,
Я от бед и нужды изнемог! —
Но ни разу ему не ответил
Гордый несуществующий бог.

Он не ведал, что камни трещали
От поклонов армянских крестьян,
Что от слёз безысходной печали
На камнях сотни трещин и ран.

...Не стучит человек, надрываясь,
В неба плотно закрытую дверь,
На истёртой верёвке качаясь,
Дремлет медный глашатай теперь.

Звон давно непривычен для слуха,
Только в бурные ночи, как встарь,
Плачет колокол дико и глухо —
То звонит в него ветер-звонарь.

Возвращение

Я взглянул на поля, на зелёные всходы
И воскликнул (и вторило эхо мне дважды):
— Утолите печаль мою, бурные воды,
Утолите усталого странника жажду!

И, поняв ослабевшего сердца мученья,
Мне ответило сердце земли моей милой:
Реки и родники изменили течение
И, журча, притекли одарить меня силой.

Лебеди

Смутный шорох в тиши туманной,
Листья сыплются беспрестанно,
Да трава шелестит едва,
С мокрой ветки глядит сова.
Сыро... тени, и те озябли,
С веток падают наземь капли,
Под кустами таится тьма;
Серп луны на плече холма —
Словно с яблони жёлтый листик.
Всплески вод серебристо-мглистых...
Рассекают лебеди ночь,
Уплывают лебеди прочь,
Облаками во тьме белея,
Беспокойно вытянув шеи.
Крылья хлопают над водой, —
Нужно стае немолодой
Знать, достанет ли силы ныне
Долететь до небесной сини!..

СОДЕРЖАНИЕ

К. Чуковский. Сила любви	3
Л. Мкртчян. Над книгой поэта и переводчика	6

СТИХИ

Моя Армения	17
«Как влюбляются в человека...»	19
«Говорят, красота в соловьином саду...»	22
Звартноц	23
«И вдруг как нахлынет...»	24
«Когда напев армянской “Розы”...»	26
Осень	27
Армянская пляска	29
Армянская песня	30
Аветик Исаакян	31
Первое лето в Армении	33
«Весёлая свежесть рассвета...»	34
Летний дождь	36
Лорийское ущелье	38
На смерть Исаакяна	39
Армянскому народу	41
Тунисская ночь	42
Луна в Армянском переулке	44
Военные песни	45
Пшат цветёт	47
Не так уж многого хочу	49
Россия и Армения	50

ПЕРЕВОДЫ

Наапет Кучак

Айрены любви, скитаний и раздумий	52
-----------------------------------	----

Саят-Нова

«Друг, ты попал в сети любви...»	62
«Ах, не нужен мне лекарь...»	63
«От любви, как Меджнун, горю...»	65
«Меджнун я, тоской палимый...»	66
«Пусть отвесят мне кораллов горсти...»	67
«Роза шлёт весть соловью...»	67

Микаел Налбандян

Свобода	69
Дни детства	71

Иоаннес Иоаннисиан

Певцу	74
«Если горькие мученья...»	74
«Идём, товарищ, поплачем...»	75

Ованес Туманян	
Дитя и вода	77
Конец зла	78
Аветик Исаакян	
«Брожу в лесу меж глухих прогалин...»	85
«Пусть над безымянной могилой моей...»	86
«Так много крестов нёс я годы подряд...»	86
«Мне снилось: я, раненый в сердце, лежал...»	86
«На обочине горной тропы...»	86
«Журча, бежит ключевая струя...»	87
«Никто не понял скорбных слёз моих...»	88
«Растерянно дикие утки взлетели...»	89
«Враждует с человеком человек...»	90
Ты не поймёшь	90
«Старый друг, родник...»	91
«Рано поутру...»	92
«Пусть придёт за мной...»	93
Ваан Терян	
Карусель	94
Осень	96
«Что осталось?..»	96
«О муза горькая моя...»	97
Нежность	97
«Хорошо тому, кто спокойно спит...»	98
Песня рабочих	99
Егише Чаренц	
«Всю ночь, больной, полубезумный...»	100
«Осень, жёлтая осень стоит у ворот...»	100
Моему читателю	101
Поэту-читателю	102
Моей музе	102
Сожжённые песни	103
Гурген Маари	
Поэт	105
Орор, орор, спокойной ночи	106
Баллада о сибирских воробьях	107
Баллада о Чало и о первой любви	108
Наири Зарьян	
«Апрэм-чапрэм»	110
«Не знал я детства беззаботных дней...»	112
«Ты сама загрустишь, заскучаешь...»	113
Отчий дом	114
Вагаршак Норенц	
Четверостишия	115
Маштоцу	116

Гегам Сарьян	
«Вновь пришёл домой я с далёких гор...»	119
«Ты спичка...»	120
Миндальное дерево	120
Дэлфрош и Эл-Нури	121
Корабль смерти	126
Ованес Шираз	
Мать	130
«Когда любил я милую мою...»	131
«Проходит молодость моя...»	131
«С берега Арпачая голос летит звеня...»	131
«Мне аромат цветка сказал...»	132
Ашот Граши	
Дорога детства	133
«Два огненных цветка нагорий...»	134
Горсть земли	134
Гурген Борян	
Деревья на улице Абовяна	135
Мать	137
Норк	138
Весенний гром	139
Сильва Капутикян	
Наш пантеон	140
Русскому другу	141
«Наверное, меня поймёт лишь мать...»	143
Армянский тополь	144
Слово сыну	145
«Не жалеюсь на сердце я...»	146
«Когда ты меня провожаешь домой...»	147
Маро Маркарян	
«Луч на камень лёг, пылая...»	148
«Не иссякает песен родник...»	148
«Слова “любовь” и “жизнь” — неразделимы...»	149
Пшатени	149
Амо Сагиян	
Армения в песнях	151
Подарки	155
Чужая весна	157
Оровел	157
Геворк Эмин	
Я из той страны	159
Другу архитектору	160
Песня о журавле	161

Ива	163
«Ты бы в гости ко мне пришла...»	164
Скрипка	165
Рачия Ованесян	
<i>Из цикла «Чудесный садовник»</i>	
«Глаза мои раскрылись под черешней...»	166
«Оставил я милый мой сад вдалеке...»	167
«Вишня буйно цветёт над арыком...»	168
«Озябла в саду сирень...»	168
«Пусть не достанется мне ровно ничего...»	169
«Стою в дверях давяльни...»	170
«Где бы я ни бродил...»	171
Сагател Арутюнян	
Победа	172
Берёза	174
Цветы	175
Абрам Аликян	
Забывтый колокол	177
Возвращение	178
Лебеди	179

Вера Клавдиевна Звягинцева

Моя Армения

(Стихи, избранные переводы)

Редактор **И.В. Карумян**

Художник и худож. редактор **А.В. Гаспарян**

Техн. редактор **О.С. Паникян**

Контрольн. корректор **Р.Т. Мальцева**

Сдано в производство 11/XI 1968 г. Подписано к печати 10/II 1969 г.

Бумага типографская № 1, 70 × 108¹/₃₂. Печ. 5,87 л. = 8,22 печ. л.

Заказ 1512. Тираж 10 000. Уч.-изд. 5,3 л. Цена 57 коп.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Типография № 1 Главного управления полиграфической промышленности Государственного комитета по печати, Совета Министров Арм. ССР, Ереван, ул. Алавердяна, 65.

